СУД
ПРИСЯЖНЫХ
Рубен Маркарьян
Адвокат. Кандидат юридических наук
Заместитель президента Палаты российских адвокатов
Председатель Совета Юридической корпорации "РУСИЧ"
Член Общественного совета при Министерстве юстиции РФ
Главный редактор Электронного СМИ "ЗАКОНИЯ"
особенности процесса
и секреты успешного
выступления в прениях

Рубен Валерьевич Маркарьян

Суд присяжных. Особенности процесса и секреты успешного выступления в прениях

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9962659
Суд присяжных. Особенности процесса и секреты успешного выступления в прениях. / Маркарьян Р.В.: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-05552-1

Аннотация

Настоящее издание посвящено исследованию уголовно-процессуальных проблем, связанных с доказыванием в суде присяжных, и подробно рассматривает правовые, психологические, бытовые аспекты этой новой для наших соотечественников юридической институции. Исключительное значение книге придает то обстоятельство, что ее автор – адвокат, кандидат юридических наук – рассматривает сложные вопросы судебной практики, исходя из собственного опыта участия в подобных процессах, а также на основе длительной работы в популярной программе НТВ «Суд присяжных».

Информация предназначена для научных и практических работников, адвокатов, преподавателей и студентов юридических вузов и самого широкого круга читателей.

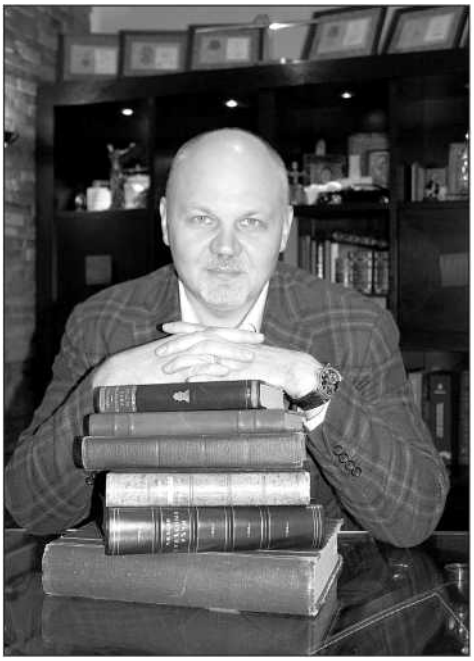
Содержание

Об этой книге и ее авторе 4
Предисловие 6
Введение 8
Глава 1 10
Глава 2 24
2.1. О родном языке 24
2.2. О чистоте речи 26
2.3. О паразитах 28
2.4. О точности 29
2.5. Ненужные мысли 30
2.6. Сравнение с собой 32
2.7. Святая простота 35
2.8. Чтобы не уснули 38
Глава 3 42
3.1. Об образах 44
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Рубен Валерьевич Маркарьян Суд присяжных. Особенности процесса и секреты успешного выступления в прениях

150-Летию российской адвокатуры посвящается

Об этой книге и ее авторе



Предлагаемая вниманию читателей книга адвоката Рубена Маркарьяна о выступлении перед присяжными – это не простое учебное пособие для студентов и практикующих адвокатов. Это абсолютно новый формат, дающий возможность с увлечением читать научный текст учебника судебной риторики, будто отснятый на видеопленку и показанный на экране телевизора. Автору удалось добиться того эффекта, которого он неоднократно добивался в течение нескольких лет участия в телевизионном проекте НТВ «Суд присяжных», а именно – быть понятым людьми.

Использование Рубеном Маркарьяном оригинальных трудов мэтров российской адвокатуры П. Сергеича (Пороховщикова), Федора Плевако, Анатолия Кони, Сергея Андреевского, классиков мировой юриспруденции, философии и культуры Марка Туллия Цицерона, Марка Фабия Квинтилиана, Артура Шопенгауэра, Иоганна Вольфганга фон Гёте, Федора Достоевского, Франца Кафки, Фридриха Ницше, Р. Гарриса умело сочетается при изложении материала с живыми примерами из реальной адвокатской практики, современными телевизионными правовыми проектами, сериалами, кино-и мультипликационными фильмами.

Автор удачно проводит параллели между столетиями, просто и со здоровой долей юмора играет с читателем, который, сам того не замечая, черпает академические знания под видом «мыльной» оперы. Редкий дар Рубена Маркарьяна говорить просто о сложных вещах,

принесший ему заслуженный успех в судах реальных и постановочных, в этой книге проявляется особенно ярко.

Кандидат юридических наук, адвокат с многолетним опытом работы и сотнями судебных дел за плечами, благодаря просветительскому телепроекту получил уникальную возможность заглянуть в святая святых – комнату совещания присяжных, обычных людей, выносящих ненастоящий вердикт по-настоящему.

Так как институт суда присяжных в России очень молод, то корифеями присяжной адвокатуры могут считаться уже те из нас, кто прошел более трех процессов с присяжными. Но никто не может сказать с уверенностью, как доводы адвоката отразились на решении присяжных, почему они пришли к тому или иному выводу. Ориентироваться на результат «виновен» – «не виновен» для оценки убедительности речи адвоката можно лишь условно, ведь механизм принятия решения остается за кадром.

И надо отдать должное Рубену Маркарьяну, он не только не скрыл от коллег свой многолетний опыт раскрытия тайны совещательной комнаты, но и обобщил его, проанализировал с использованием научных методов, сравнил результаты с трудами классиков и в виде готового инструмента дал читателям. Причем автор не ограничился лишь риторическими приемами, он описывает весь арсенал адвоката в процессе – от одежды до положения рук и глаз.

Некоторые методики и упражнения, предлагаемые автором, просто уникальны и достойны того, чтобы применять их на практике.

Книга, несомненно, вызовет интерес не только специалистов, студентов юридических вузов, людей, готовящихся выступать перед присяжными, но и всех тех, кто хочет научиться свободно говорить перед любой аудиторией.

Предисловие

В начале второй части романа Ф.М. Достоевского «Идиот» есть сцена, в которой князь Мышкин возвращается после шестимесячного отсутствия в Санкт-Петербург и приходит в дом Лебедева, где встречает его самого и его племянника, просящего в долг денег и третий день лежащего на диване по этому поводу. Племянник Лебедева жалуется князю:

«Верите ли, князь, теперь он [Лебедев] вздумал адвокатством заниматься, по судебным искам ходить; в красноречие пустился и все высоким слогом с детьми дома говорит. Пред мировыми судьями пять дней тому назад говорил. И кого же взялся защищать: не старуху, которая его умоляла, просила и которую подлец ростовщик ограбил, пятьсот рублей у ней, все ее достояние, себе присвоил, а этого же самого ростовщика, Зайдлера какого-то, жида, за то, что пятьдесят рублей обещал ему дать…

– Пятьдесят рублей, если выиграю, и только пять, если проиграю, – объяснил вдруг Лебедев совсем другим голосом, чем говорил доселе, и так, как будто он никогда не кричал.

– Ну и сбрендил, конечно, не старые ведь порядки-то, только там насмеялись над ним. Но он собой ужасно доволен остался; вспомните, говорит, нелицеприятные господа судьи, что печальный старец, без ног, живущий честным трудом, лишается последнего куска хлеба; вспомните мудрые слова законодателя: “Да царствует милость в судах”. И верите ли: каждое утро он нам здесь эту же речь пересказывает, точь-в-точь как там ее говорил; пятый раз сегодня; вот перед самым вашим приходом читал, до того понравилось. Сам на себя облизывается».

Великий российский юрист П.С. Пороховщиков (псевдоним П. Сергеич) в 1910 г. издал замечательный труд «Искусство речи на суде». Вряд ли можно будет лучше систематизировать знания из этой части ораторского искусства, нежели чем это сделал он, все последующие учебные пособия по этой теме в любом случае будут плагиатом в той или иной степени. Можно лишь дополнить созданную систему своими знаниями, опытом и выводами. Я бы никогда не взялся за эту задачу, если бы не мое участие в проекте НТВ «Суд присяжных».

П. Сергеич поместил в конце своей книги следующий абзац, который я, по понятным причинам, помещаю в самом начале:

«Я заметил, что многие читатели любят запоминать последнюю страницу книги; обращаю поэтому свой последний совет и к обвинителю, и к защитнику.

Прежде чем говорить на суде, скажите вашу речь во вполне законченном виде перед „потешными" присяжными. Нет нужды, чтобы их было непременно двенадцать; довольно трех, даже двух, но важен выбор: посадите перед собой вашу матушку, брата-гимназистика, няню или кухарку, денщика или дворника. Сказать речь перед такими судьями необыкновенно трудно. Если вы этого не испытали, то и представить себе не можете, как это мудрено. Такое упражнение, пожалуй, покажется вам смешным; испытайте, и вы оцените его пользу. Если ваша речь окажется хороша, то есть будет понятна и убедительна перед „потешными", то и настоящие присяжные будут в вашей власти».

Мне часто задают вопросы, касающиеся участия в телепроекте «Суд присяжных». Один из них, наиболее распространенный, звучит так:

«„Суд присяжных" на НТВ помогает Вам в адвокатской практике?»

Отвечаю: Еще как! Мало кто знает, но в сценарии программ включаются только те элементы, которые обязательны и для настоящего суда: показания свидетелей, заключения экспертиз, вещественные, письменные и видеодоказательства. На роль присяжных– и это тоже как в реальности – методом случайной выборки набираются 12 человек «с улицы», которые не знают сценария. Шоу со всей его непредсказуемостью разыгрывается не только перед телезрителем, но и перед ними. Прокурор и адвокат вправе опротестовывать вопросы или

замечания друг друга, невзирая на то что реплики сторон прописаны в сценарии. Позицию для выступления в прениях и прокурор, и адвокат (заранее или по ходу действия) готовят сами, и задача каждого из них – убедить коллегию присяжных именно в своей правоте. А присяжные удаляются в совещательную комнату и выносят свой вердикт, руководствуясь лишь тем, что увидели и услышали. В это время их снимает камера, и самые интересные фразы из обсуждения попадают в эфир программы в виде нарезки. Но главное – в этом проекте я, адвокат, могу через монитор в операторской заглянуть в комнату совещания присяжных. Это категорически исключено в реальном суде. То есть я могу тут же оценить, какое впечатление произвела на присяжных речь, с которой мы с «прокурором» выступали пять минут назад. Что сказали правильно, где перегнули палку, а где попали в точку.

«Это же бесценный опыт! – как сказал один мой коллега, когда я как-то поделился с ним происходящим на съемках „Суда присяжных". – Ты просто обязан написать книгу и поделиться этим опытом!!!»

И ведь он прав, это, несомненно, значимый опыт – мне довелось так «подсматривать» в совещательную комнату примерно… 400 раз, может, и больше. Это все равно что 400 тренировок летчика на тренажере по отработке взлета и посадки. Это, говоря языком П. Сергеича, сотни выступлений перед «потешными» (внесудебными, тренировочными) присяжными, которые были не просто молчаливыми слушателями, а все-таки такими же «внесудебными» судьями.

Однако книга – это не интервью. Это кропотливый труд; наблюдения и выводы нужно систематизировать, чтобы коллеги-адвокаты не высмеяли. Опять же, эта книга задумана как учебное пособие, которое может пригодиться и студенту юридического вуза, и обычному читателю, далекому от юриспруденции. Мало ли что? Кто застрахован от тюрьмы и от сумы?

Поэтому в такой книге хотелось не «умничать», а писать «по уму». Адвокатов вообще не надо учить праву. Я лишь хотел предложить коллегам инструментарий, освоить который по воле случая довелось самому и который может пригодиться в судебных процессах с участием присяжных. Поскольку и в реальном суде, и в суде телевизионном присяжные, в общем-то, одни и те же люди. Их логика в подходе к поиску решения в принципе одинакова. Может, часть моих «психологических заметок» кто-то и возьмет на вооружение.

Кстати, совсем недавно я осознал значимость того, что делаю больше шести лет в телепроекте. Я «играю» (создаю экранный образ) адвоката, оставаясь при этом действующим профессионалом. Поначалу для меня это было хобби. Но за время моего присутствия в кадре выросло целое поколение молодых людей, как это ни пафосно звучит. Мне часто приходят письма примерно с такими словами: «Я начал смотреть вашу передачу вместе со своим дедушкой, когда мне было 12 лет. Благодаря вашему примеру решил теперь пойти в юридический…» Или еще: «Мы всей семьей смотрим “Суд присяжных", наш сын начал лучше учиться, хочет тоже стать адвокатом, спасибо вам.»

То, что я делаю в настоящих судах, отстаивая чьи-то доброе имя или интересы, это, безусловно, первостепенно, но для меня также важно, что моя роль адвоката в «телевизионном» суде стала для кого-то ориентиром, помогла определиться с выбором профессии. И как знать, вдруг из зрителя, начавшего шестиклассником смотреть «Суд присяжных», где мы пытаемся показать идеальный суд, вырастет известный юрист, этакий современный Гаврила Державин, который, вполне возможно, сделает для России и общества гораздо больше, чем я, адвокат с экрана. Но ведь он станет юристом, потому что увидит настоящий пример. И если мой опыт, перенесенный на бумагу, поможет кому-то отстоять свое доброе имя в суде – разве это не здорово?

Введение
Как устроена книга и как по ней учиться?

Конечно, в книге будут даны немного истории и нормативный материал о суде присяжных. Его обязательно надо прочесть тому, кто впервые сталкивается с этим правовым институтом и собирается сдавать экзамены или идти в суд. Я не буду сознательно касаться вопросов подбора присяжных, так как этому посвящено большое количество литературы, особенно западной. Для подбора присяжных в Великобритании и США серьезные юридические фирмы нанимают отдельных специалистов и платят им огромные деньги. Мы не будем касаться этих вопросов, и прежде всего потому, что в телепроекте «Суд присяжных» я к подбору присяжных никакого отношения не имел. Этим занимался шеф-редактор «по присяжным», и единственное, что я просил у него, – это перед началом съемки-заседания готовить мне список с именами присяжных, годом рождения и их специальностью (профессией), даже если присяжный – пенсионер. И хотя присяжные в телепроекте имели право говорить неправду (просто выдумывать себе профессию или даже имя), тем не менее основная масса давала верные сведения о себе, что очень помогало в построении речи. Ниже отдельно остановлюсь на этом моменте подробно.

Я не очень много расскажу о порядке допроса свидетелей и иных участников процесса. Очень подробно этот вопрос изучен и описан английским адвокатом Харрисом в его замечательной книге «Школа адвокатуры». Рекомендую всем юристам, сталкивающимся с допросом свидетеля, эту книгу прочесть. В телепроекте «Суд присяжных» на НТВ свидетелей нет смысла «пытать», это – артисты, они на месте преступления не были и ничего сказать не могут. У них есть текст. Хотя мы как-то выпросили у режиссера иметь возможность отступать от текста, не меняя его смысла, и задавать вопросы, придавая им определенную окраску. И еще нам можно иногда задавать вопрос, не требующий ответа, риторический, с тем чтобы произвести на присяжных впечатление. Но как раз это-то и важно для целей настоящей книги: как воздействовать на 12 абсолютно незнакомых человек. Чтобы повествование не выглядело слишком куцым для учебного пособия, я, конечно же, поделюсь опытом допроса свидетелей из практики настоящих, а не телевизионных судебных процессов, а также моим опытом общения с британскими адвокатами, проводящими со свидетелями тренинги перед допросом.

В большей степени я постараюсь рассказать о подготовке и произнесении речи. Книгу П. Сергеича «Искусство речи на суде» я внимательно (как говорится, с карандашиком) прочел после того, как снялся в нескольких десятках серий «Суда присяжных», с целью совершенствования теоретических знаний. И обнаружил, что то, что написано Пороховщиковым, я применяю в своей речи, даже не помня особо из курса юридического вуза, что это психологические приемы, которые он описал в 1910 г. и даже дал им названия (в свою очередь, почерпнув их из курса психологии). То есть, не читая до этого его учебник в оригинале, я поступал в основном правильно. Может, поэтому часто и выигрывал эти «тренировочные процессы». Конечно, я узнал для себя много нового из книги П. Сергеича, а кое с чем не согласился. Это и неудивительно, ведь он писал трактат о речи российского присяжного поверенного своего времени, выступающего перед присяжными того общества царской России, которое существенно отличается от нынешнего общества России XXI в. И образование сейчас у людей получше, и медицина и криминалистика шагнули далеко вперед, да и роль СМИ, телесериалов про полицейских и криминальные программы сделали свое дело – присяжные стали разбираться во всем, их просто на «пожалейте» не возьмешь!

Поэтому, пусть меня простят читатели, но, ссылаясь в значительной мере на мысли П. Сергеича (а он, в свою очередь, на Цицерона, Гарриса и других ораторов), я позволю себе критику его труда, что обусловлено лишь необходимостью устранить 100-летнюю погрешность изучения и систематизации темы.

Для того чтобы читатель проникся серьезностью моего подхода к написанию этого учебного пособия, открою секрет: при подготовке я использовал не электронный текст произведения известных юристов, в том числе самого П. Сергеича, а оригинальные прижизненные издания, которые имеются в моей коллекции антикварных книг. Конечно, у меня не было прижизненных изданий Цицерона и Квинтиллиана, но цитаты из них взяты были из пожелтевших и особо пахнущих страниц книг П. Сергеича, С. Андреевского, А. Кони, Ф. Плевако. Не знаю, как вам, но мне кажется, что я чувствую какую-то особую энергетику, когда работаю именно с таким материалом, а не с электронными буквами экрана монитора персонального компьютера.

Что такое суд присяжных? Прежде чем начать представлять материал для осмысления и усвоения, я бы хотел привести здесь уместную, на мой взгляд, мысль замечательного русского юриста Кони, чтобы с этой мыслью вы и двигались дальше по страницам этой книги, начиная от истории возникновения института суда присяжных и заканчивая размышлениями о нравственной свободе выступающего перед ними оратора.

Присяжный – это тот же судья, который должен в своих выводах основываться не на временных и переходящих впечатлениях, а на вечных и неизменных началах правосудия.

«Забывая мудрый совет глубокого мыслителя и юриста Бентама, указывающего, что, исполняя свой долг, судья должен иногда идти против вожделенной толпы, говоря себе: “populus me sibilat, at ego mihi plaudo![1]”, – судья, боясь общего неудовольствия, утраты популярности и трудной аналитической работы ума, может пожелать во мнении пестрого и волнующегося большинства легкий и успешный исход для своей заглушенной на время совести и умыть себе руки. Такие судьи бывали, и имена некоторых приобрели себе бессмертие. В одной старой и чудной книге, пережившей века, рассказан процесс, произведенный таким судьей и под влиянием таких указаний… Судью звали Понтий Пилат.

Иногда, не вдумавшись глубоко в смысл судебной деятельности присяжных заседателей, в них хотят видеть представителей общественного мнения по данному делу. Это совершенно ошибочно. Было бы очень печально, если бы присяжные приносили в суд это уже заранее сложившееся мнение, – мнение, которое чрезвычайно подвижно, склонно увлекаться, бывает бессознательной игрушкою в руках своих развратителей или ловких агитаторов, сегодня превозносит то, что вчера топтало в грязь, – и, будучи часто справедливым в своих вкусах, иногда бывает жестоко несправедливо в поверхностной оценке фактов и побуждений. Недаром закон предостерегает присяжных от мнений, сложившихся вне стен суда, и вносит это предостережение в текст их присяги. Те, кто разделял трудные судейские обязанности с присяжными, знают, что последние служат не представителями мимолетного мнения плохо осведомленной массы, а являются выразителями общественной совести, веления которой коренятся в глубине правового миросозерцания народа и в каждом данном случае применяются к оценке совокупности всех обстоятельств дела».

Итак, главная мысль, с которой читатель должен пройти по страницам этой книги, заключается в том, что присяжные заседатели – это не коллегия из 12 человек. Это общественная совесть, и дело вам предстоит иметь с ней, а не с дюжиной мужчин и женщин разных возрастов и социальных групп.

[1] Народ меня освистывает, но сам я себе рукоплещу *(лат.)*.

Глава 1
История института присяжных и немного грусти о дне сегодняшнем

Судом присяжных (Jury, Geschworne) исторически называется – в отличие от судов коронных судей, шеффенов и сословных представителей – суд, творимый при участии представителей всех слоев общества, удовлетворяющих определенным личным и имущественным требованиям и выбираемых по жребию из особо заготовленных списков. Причем, по общему правилу, эти выборные представители решают вопросы о событии преступления, о вине или невиновности подсудимого, о его вменяемости и об особо увеличивающих или уменьшающих его ответственность обстоятельствах, а судебная коллегия – или один председательствующий судья – применяют к этому их решению уголовный закон.

Вряд ли имеет смысл искать корни суда присяжных в древнейших учреждениях непосредственного народного суда, в котором политическая сторона почти совершенно заслоняла сторону правовую. Такими судами были: суд гелиастов в Афинах, в иных заседаниях которого участвовало до трех тысяч голосующих граждан, достигших тридцатилетнего возраста; quaestiones perpetuae в Риме под руководством претора; некоторые виды народно-судебных сходок у древних франков и саксов; наконец, наши вечевые собрания в северно-русских народоправствах Великого Новгорода и Пскова.

Не могут также считаться присяжными по своему происхождению и условиям деятельности judices jurati у римлян, старинные немецкие шеффены (scabini) и наши «судные мужи» – являвшиеся лишь хранителями правовых преданий и истолкователями юридических обычаев.

Родиной суда присяжных признается Англия, но и там этот суд образовался не сразу в своем настоящем виде, а прошел в своем постепенном развитии три долгих периода: англо-саксонский, норманнский и конституционный.

Первоначальный процесс у англосаксов отличался большой простотой. Пойманный с поличным в руках (hand habend) или на плечах (bak barend) убивался по приказу шерифа или лорда, имеющего судебную власть, без всякого исследования вины, в «пса место», как выражается Русская Правда. Отсутствие поличного давало подозреваемому право представить семь присяжных поручителей (compurgatores) о невиновности или, если он был человек несвободный, ручательство своего господина-лорда и двух танов. Против них обвинители – частные люди и представители городских общин и сельских сотен – должны были выставить соответствующее число соприсяжников. При неимении подсудимым соприсяжников он мог в некоторых случаях требовать обвинителя на суд Божий (ордалию) кипящею водою или раскаленным железом или, в позднейшее время, выходить с ним на судебный поединок (поле).

Судопроизводство свершалось два раза в год во время объезда шерифом своего участка, причем он и участвовавший иногда в заседаниях суда епископ лишь наблюдали за поступлением судебных пошлин, за правильным счетом голосов compurgatores и за точным соблюдением обрядов суда Божия. Решение дела вполне зависело от исхода ордалии, поединка или подсчета голосов compurgatores. Со времени норманнского завоевания учреждение «королевского мира», устанавливающего исключительную юрисдикцию короля, распространяется все более и более, и на шерифа возлагается обязанность при своих объездах (scheriffsturn, or circuit) путем последовательных и точно определенных выборов образовать от каждой общины группу в 12 рыцарей и «вольных, непорочных мужей», которые принимают присягу и должны отвечать на ряд вопросов, касающихся внутреннего порядка и

безопасности данной местности, и при этом в качестве recognitores назвать лихих людей, им ведомых (male credites de maleficio aliquo). Последних привлекали к суду, и эти 12 допрошенных шерифом лиц (сходных по своей первоначальной задаче с обыскными людьми нашего старого права), получая название жюри, представляли или излагали устно доказательства виновности подсудимых и изрекали о них правдивое заключение (vere dictum).

В период, последовавший за изданием Великой Хартии, исчезает ордалия, умаляется применение поля и постепенно разграничиваются сливавшиеся прежде в лице присяжных роли обвинителей, свидетелей и судей. Свидетели уже не решают дело, а дают своими показаниями лишь судебный материал, для оценки доказательной силы которого судья, представляющий самостоятельную, не зависимую от шерифа деятельность, дает присяжным руководящие наставления (charge). Сами присяжные как решители фактической стороны дела распадаются на две группы: большое и малое жюри, состоящие каждая из 12 человек. Большое жюри, рассмотрев добытые розыском или представленные потерпевшим данные, решает вопрос о предании заподозренного суду, то есть о передаче дела малому жюри; судит окончательно лишь последнее.

Английскому суду присяжных пришлось пережить большие испытания и выдержать, опираясь на народное правосознание, тяжелую и упорную борьбу. В XVII и XVIII вв. особенно сильно было стремление стеснить свободу суждения присяжных путем их запугивания, дурного обращения с ними и передачи составления их списков от выборных шерифов в руки лиц, назначаемых правительством; при этом было ограничиваемо или по некоторым делам и вовсе упраздняемо право подсудимого отводить присяжных, а сознание у него вымучивалось пыткою (при Стюартах). Тем не менее каждый шаг к упрочению государственного строя Британии (Petition of right, Habeas corpus Act, Bill of rights, Act of settlement) влек за собою укрепление суда присяжных и расширение сферы его деятельности.

Законом Фокса о преступлениях печати (1797 г.) окончательно признано за присяжными право решать вопрос не только о событии преступления, но и о виновности подсудимого. Начало XIX столетия ознаменовалось в Великобритании многими техническими улучшениями в производстве дел с присяжными, уничтожением различных тягостных формальностей и признанием (закон 1836 г.), что всякий обвиняемый, предстоящий перед судом присяжных, должен иметь защитника.

Введение суда присяжных во Франции было подготовлено, с одной стороны, недовольством устарелым, розыскным, письменным и канцелярским производством застывшего в средневековых формах суда, особенно обострившимся вследствие ряда громких процессов во второй половине XVIII в., а с другой стороны, указаниями и работами энциклопедистов. В то время как Вольтер и д'Аламбер наносили тяжкие удары существующему судебному устройству,

Монтескье и Делольм горячо восхваляли учреждение присяжных в Англии не только как лучший способ раскрытия истины в уголовных делах, но и как гарантию политической свободы. Ту же самую мысль с горячей убедительностью проводил Филанджьери в своей «Scienza della legislazione». Хотя учредительное собрание 1789 г., уничтожив все специальные, чрезвычайные и исключительные суды, не тотчас ввело суд присяжных, но уже в августе 1790 г. и затем снова в июле 1791 г. этот суд был провозглашен как коренное установление уголовной юстиции, причем обязанность разрешать вопрос о предании обвиняемого суду присяжных была возложена на одного из членов местного коронного суда, носившего название directeur du jury и поддерживавшего обвинение на суде.

Однако уже конституция 3 сентября 1791 г. отменила этот порядок и установила, по примеру Англии, два вида присяжных: для предания суду, в числе восьми, и для суждения, в числе двенадцати, избираемых на 15-е число каждого месяца из списка в 200 человек. Стороны пользовались правом отвода без объяснения причин по 20 человек; присяжные совеща-

лись в присутствии судьи и публичного обвинителя (комиссара); для обвинительного приговора требовалось 10 голосов. Тогда же был учрежден для регулирования деятельности суда присяжных и образцовый, несравненный французский кассационный суд. Окончательное устройство суда присяжных во Франции в его существенных сторонах совпадает с изданием «Code d'instruction criminelle», начатого разработкой в 1804 г. и восприявшего силу в 1811 г.

Затем, при неоднократной перемене образа правления и характера правительств, видоизменяется ценз присяжных, и подсудность этому суду то расширяется, то суживается (корректионализируется), но основные начала его устройства остаются неизменными.

В Германии первым проповедником необходимости введения суда присяжных явился во второй половине XVIII в. Юстус Мезер в своих «Патриотических фантазиях» (17761786 гг.). Проповедь эта не нашла отголоска, и лишь наполеоновские войны имели последствием введение суда присяжных в рейнских провинциях. Перевороты 1848 г. распространили этот суд в большем или меньшем объеме по всему Германскому союзу, за исключением Австрии и Мекленбурга. Однако существование этой формы суда было в большей части немецких государств лишь терпимо и сопровождалось различными законодательными урезками и сокращением области подсудности. Образование Северогерманского союза укрепило положение суда присяжных в Германии, несмотря на упорную и страстную критику его со стороны ученого государственного человека – Гие-Глунека, открывшего поход против этого «не коренящегося в истории Германии» учреждения. Франко-германская война 1870–1871 гг. перевела борьбу из области юридической литературы в практическую жизнь. Счастливая война с «исконным» врагом доказала, по мнению многих немецких юристов, что Германия и в судебной организации должна опираться на свои национальные учреждения, каковыми в прошлом являлись шеффены – выборные заседатели, составлявшие с судьями одну коллегию, без распределения между собою процессуальных задач. Этот взгляд проник и в законодательство, и суд шеффенов, с оставлением в ведении присяжных лишь дел о важнейших преступлениях, был введен в Германской империи с 1 ноября 1879 г.

В Австрии суд присяжных введен после поражений 1866 г., в Норвегии – в 1887 г., в Испании – в 1888 г.

В Италию этот суд прошел вслед за орлами наполеоновских полков, но после падения Наполеона удержался лишь в королевстве Сардинском. Объединенная Италия снова ввела его на всей своей территории изданием «Codice di procedura penale» 1865 г. и дополнительных к нему законов 1874 и 1877 гг. Слепому подражанию французскому образцу министр юстиции Вилла в 1880 г. хотел противопоставить многие полезные улучшения, но проект его не прошел, а в 1889 г., под влиянием Германии и ввиду натянутых отношений с Францией, подсудность суду присяжных как «не национального учреждения» значительно сокращена. Дальнейшие проекты «улучшений» суда присяжных министров Боначчи и Тавани ди Календа (1894 г.) грозили еще большей коррекционализацией дел, подсудных ныне присяжным в Италии. Падение Криспи временно приостановило движение в этом направлении.

Введение суда присяжных в России было смелым и исполненным доверия к духовным силам русского народа шагом со стороны составителей судебных уставов, так как ни организация наших дореформенных судов, ни строй наших старых допетровских судебных инстанций не давали исторической точки опоры для введения суда присяжных, кроме разве общего и всестороннего недовольства существующими порядками уголовного производства. Судебные мужи и целовальники эпохи Судебников не могут считаться прототипами присяжных, ибо они вовсе не были судьями в настоящем смысле слова. Судьей, разбиравшим дело и постановлявшим приговор, был воевода, наместник, тиун, а мужи или целовальники «сидели» с ним, чтобы «беречи правду, по крестному целованию, без всякой хитрости», то есть для наблюдения, чтобы суд творился согласно установившемуся обычаю и все происходящее на суде было верно занесено в судебный список. Свидетели всего про-

исходящего на суде, они удостоверяли своей подписью, а в некоторых случаях – и показанием, достоверность содержания судного списка и получали с него копию. Состоя, таким образом, в составе лиц, содействовавших правильному производству суда, они не высказывались, однако, по существу дела. Притом общины, в XVI в. горячо испрашивавшие себе право иметь своих целовальников при суде воевод и наместников, сто лет спустя перестают заботиться об этом праве – и к половине XVII в. утратившие свое значение целовальники совсем сходят со сцены.

Сословная организация старых судов наших представляла участие выборного элемента уже в самом решении дела. Сословные заседатели при постановлении приговора подавали свои голоса наравне с выборным председателем и назначенным от правительства товарищем председателя (в палате уголовного суда). Некоторые юристы-практики (например, Н.И. Стояновский), действовавшие при старых судах, утверждали, что сословные заседатели и даже сенаторы старых судебных департаментов сената являлись судьями только фактической стороны дела и, разрешая вопрос о виновности, предоставляли коронному элементу в лице канцелярии разрешение и разработку вопроса о наказании. С этой точки зрения деятельность судей была, в сущности, деятельностью присяжных заседателей – и составители уставов нашли благодаря этому готовую почву для насаждения организации суда, уже существовавшего много лет, но лишь в другой форме. Такой взгляд не может быть принят.

Сословные заседатели являлись представителями отдельных сословий; присяжные заседатели – представители всех слоев общества. Первые действовали нераздельно с коронными судьями; вторые имеют самостоятельную задачу. Наконец, и это самое важное, сословные заседатели вместе с судьями были связаны правилами о формальных доказательствах, устанавливавшими почти механически меру и вес доказательств для признания подсудимого виновным или для оставления его в более или менее сильном подозрении. Обязанные требовать для подтверждения каждого факта двух достоверных свидетелей (из числа которых закон исключал явных прелюбодеев, людей, портивших тайно межевые знаки, и иностранцев, поведение которых суду неизвестно) и отдавая, по точному предписанию закона, предпочтение показаниям знатного перед незнатным, мужчины перед женщиною, духовной особы перед светскою, заседатели не могли руководиться внутренним убеждением, сложившимся у них по делу, а лишь сводили, руководимые и воспособляемые секретарем – «дьяком, в приказах поседелым», внешний итог предустановленных доказательств. Со введением суда присяжных у нас рухнула теория формальных доказательств, и вывод о виновности, в котором присяжные отдают отчет лишь собственной совести, не приводя письменных оснований, провел резкую разграничительную и отличительную черту между их деятельностью и деятельностью не только сословных заседателей, но даже и коронных судей по судебным уставам 1864 г.

При обсуждении вопроса о введении присяжных в России и в среде законодательных органов, и в самой литературе раздавались тревожные предостережения, указывавшие на политический характер института и на неподготовленность русского народа, значительная часть которого долгие годы была задержана в своем гражданском развитии игом крепостного права. Даже между людьми, искренне желавшими коренного преобразования русского судоустройства, высказывалось сомнение в способности русского народа осуществить как следует эту форму суда. Так, в 1860 г. ученый и талантливый юрист профессор Спасович в публичных лекциях о судебно-уголовных доказательствах приходил к такому выводу: где народ до того нравственно прост, что часто не разумеет преступности противозаконных деяний, и до того политически прост, что считает суд страшилищем, а осужденных – несчастными, заменяя уважение к закону страхом перед начальственным распоряжением, там не может быть и речи о суде присяжных, нужно ожидать, чтобы культурное развитие русского народа сделало существенный шаг вперед. Но составители судебных уставов разделили взгляды

Д.А. Ровинского, высказанные им в записке «Об устройстве уголовного суда», и твердую веру С.И. Зарудного в способность народа воспринять суд присяжных.

Они вместе с этими двумя замечательными деятелями нашли, что народ считает осужденного несчастным преимущественно вследствие недоверия к правосудию старого, дореформенного суда и к добросовестности полиции, производящей следствие, – и уже после суда выражает идущему в каторгу, при тогдашних в высшей степени тягостных условиях следования, сострадание подаянием в силу глубокой нравственной и христианской потребности.

Участие в суде в качестве присяжного заседателя, являясь в Англии политическим правом и вместе общественною обязанностью, во Франции и России – повинностью, в Германии – несением почетной должности (Ehrenamt), обусловлено возрастом, имущественными и нравственными требованиями. В Англии присяжными имели право быть все не опороченные по суду грамотные граждане от 21 до 60 лет, имеющие ежегодный доход от 30 до 50 фунтов стерлингов; во Франции призывались в качестве присяжных грамотные, граждански и политически полноправные и не находящиеся в личном услужении люди от 30 до 70 лет, в Германии – полноправные германские подданные в возрасте от 30 до 65 лет, не состоящие под судом, угрожающим лишением почетных прав, не ограниченные по суду в свободном распоряжении имуществом, не состоящие и не состоявшие за три последние года на иждивении кассы для бедных и не лишенные возможности нести расходы, сопряженные с исполнением обязанностей присяжного заседателя. В России в списки присяжных заседателей вносились русские подданные в возрасте от 25 до 70 лет, умеющие читать по-русски и живущие в местности избрания не менее двух лет. Не допускались в присяжные находящиеся под судом и осужденные за деяния, влекущие наказание не ниже тюрьмы, а также не оправданные судебными приговорами за такие деяния; исключенные из службы по суду, из духовного ведомства – за пороки и из среды обществ и дворянских собраний – по приговорам своих сословий; несостоятельные должники и состоящие под опекою за расточительность; слепые, глухие, немые и лишенные рассудка; домашняя прислуга и впавшие в крайнюю бедность. Не подлежали призыву в качестве присяжных священнослужители и монашествующие; лица, занимающие должности первых четырех классов в гражданском ведомстве; чины судебных мест и прокуратуры, кроме почетных мировых судей; правительственные казначеи, кассиры государственного банка и их помощники, экзекуторы, смотрители казенных зданий, лесничие казенных лесов, акцизные чины, уездные почтмейстеры и начальники железнодорожных и телеграфных станций, где у них нет помощников, чиновники полиции, учителя и начальники народных, церковно-приходских и городских училищ, чины карантинных учреждений, вице-губернаторы и все военные чины, состоящие в действительной военно-сухопутной или морской службе, за исключениями, перечисленными в законе.

Имущественный ценз русских присяжных заседателей определялся: по недвижимой собственности (поземельная – не менее 1/20 числа десятин, определенного для выбора в земские гласные; городская – по оценке в столицах не менее 2000 руб., в городах с населением свыше 100 тыс. – не менее 1000 руб., в остальных – не менее 500 руб.); по доходу с капитала или занятия или же по размеру пенсии или жалованья (в столицах – не менее 1000 руб., в городах с населением свыше 100 тыс. – не менее 600 руб., в остальных местах – не менее 400 руб. в год; эти последние цифры дохода были первоначально проектированы гораздо ниже, но увеличены Государственным советом при обсуждении проекта уставов, а в 1887 г. подняты более чем вдвое). Прежняя служба давала право быть внесенным в список присяжных лицам сельского состояния, занимавшим беспорочно, не менее трех лет, высшие должности по волостному, сельскому, станичному и поселковому управлению или быв-

ших судьями при этих управлениях, а также церковными старостами или гласными земских собраний.

Составление списков присяжных было возложено в Англии на местные приходские власти, представляющие составленный ими список малому съезду мировых судей, который по проверке его и исправлении по жалобам препровождает его шерифу, приглашающему, согласно этому списку, по порядку записи имен, надлежащее число присяжных для каждой сессии. Во Франции составление списка возлагалось на кантональную (в Париже – участковую) и затем окружную (arrondissement) комиссии. В Германии составлялся сначала в общинах общий список (Urliste), проверяемый особой выборной комиссией под председательством участкового судьи (Amtsrichter) и уже в качестве предлагательного (Vorschlagsliste) списка препровождаемый в местный суд (Landgericht), где из него после новой проверки и удовлетворения жалоб составляется годовой список (Jahresliste), служащий основанием для избрания по жребию в публичном заседании суда 30 присяжных, входящих в состав так называемого Spruchliste.

В России система выборов присяжных и при ее первоначальном обсуждении, и при дальнейшем осуществлении подвергалась неоднократным законодательным изменениям, не всегда успешным в смысле достижения действительного и притом беспристрастного привлечения к отправлению уголовного правосудия всех к тому обязанных. Перед Октябрьской революцией 1917 г., упразднившей суд присяжных, общие списки составлялись ежегодно к 1 июля, в алфавитном порядке, по каждому уезду отдельно, относительно уездных землевладельцев – председателем уездной земской управы, относительно городских владельцев недвижимым имуществом и купцов – городским головою, относительно крестьян – земским начальником или чиновниками местных по крестьянским делам учреждений, относительно всех прочих – местным полицейским начальством. Уездная комиссия по составлению очередных списков, состоящая под председательством уездного предводителя дворянства из лиц судебного и судебно-административного ведомства, высших местных представителей полиции, товарища прокурора, городского головы, председателя уездной земской управы и трех лиц, избираемых уездными земскими собраниями (в столицах и Одессе ввиду сохранения в них мирового института состав комиссий имел соответствующие видоизменения, и выбор трех депутатов производился в соединенном заседании земского собрания и городской думы), выслушав и оценив уважительность заявлений о неправильном занесении или незанесении в общий список, публикуемый к 1 октября каждого года (губернаторы Северо– и Юго-Западного краев имели право в срок с 1 августа по 1 сентября исключать из общего списка занесенных туда лиц без объяснения причин), составляла очередной список, соображаясь с требованиями, предъявляемыми к присяжным законом, и с нравственными качествами занесенных в общий список лиц, а также пополняя этот список теми, кто по упущениям или неправильностям составителей общих списков в них не внесен. Количественный состав присяжных каждой очереди был следующий: для Петербурга с его уездом – 2400 человек, для Москвы с ее уездом – 1800, в уездах, где предполагается четыре сессии присяжных, – 240 человек, а где предполагается более четырех сессий – то же число с прибавлением по 40 человек на каждую лишнюю сессию. Та же комиссия составляла список запасных заседателей, внося в него на каждую предполагаемую сессию по 6 лиц непременно из обывателей тех городов, где происходили заседания.

Списки – очередной и запасной – публиковались в местных ведомостях в первых числах декабря и отправлялись к председателю окружного суда. От суда зависело разрешение всех жалоб на неправильное внесение в списки и просьб об освобождении от обязанностей присяжного заседателя, а также о переносе исполнения этой повинности из одного периода заседаний в другой. По общему правилу, никто не мог быть призван к исполнению этой обя-

занности более одного раза в год и каждый имел право требовать освобождения от нее в год, следующий за годом, в течение которого она была им действительно исполнена.

В Западном крае, Новороссии, Крыму, Полтавской, Херсонской и Таврической губерниях число евреев, вносимых во всякого рода списки присяжных, должно было соответствовать процентному отношению еврейского населения к общему числу населения в каждой данной местности, подведомственной комиссии.

Существенным правом сторон являлся отвод присяжных, из которых должен быть выбран состав присутствия по каждому делу. Ему предшествовало исключение из списка, составленного на период заседаний, в распорядительном и затем в особом публичном заседании (до приведения заседателей к присяге на весь период и объяснения им их прав и обязанностей), всех неправильно внесенных, имеющих право на освобождение от исполнения обязанностей по законным основаниям, а также всех, не явившихся по причинам, предусмотренным в законе. Причины эти по действовавшему тогда уставу уголовного судопроизводства: лишение свободы, непреодолимое препятствие к явке, внезапное разорение от несчастного случая, смерть или тяжкая, грозящая смертью болезнь родителей, мужа, жены или детей, командировка или особое поручение по службе, случаи, грозящие неизбежным разорением хозяйству, торговле или промыслу при отсутствии хозяина, необходимость присутствовать в земских собраниях в качестве гласного и, наконец, несвоевременное, менее чем за неделю, получение повестки о вызове в суд.

Судебная практика по толкованию степени доказательности и точного значения этих причин представляла в первые годы после издания Судебных Уставов чрезвычайное разнообразие и в некоторых случаях – нежелательную широту. Последовательными разъяснениями уголовного кассационного департамента практика эта значительно упорядочена. Не явившиеся без законных причин присяжные подвергались ряду последовательных взысканий (в первый и второй раз – денежный штраф от 10 до 200 р., в третий – предание суду как за должностное преступление). Как эти присяжные, так и не явившиеся по законной причине, вносились в список одного из следующих периодов местных заседаний.

Выбор присяжных по каждому делу – за устранением по их личному проверенному и уваженному судом заявлению о причинах, требующих отлучки, или об отношениях их к подсудимому и потерпевшему, препятствующих быть судьей, – производился по списку оставшихся очередных присяжных, дополненному по жребию, вынимаемому председателем, до числа 24 из списка запасных.

Отвод присяжных из окончательно составленного судом списка, то есть устранение из числа будущих судей без объяснения причин тех лиц, беспристрастию или способности которых почему-либо не доверяют обвинитель или подсудимый, составляет резкое отличие суда присяжных от суда коронного и вместе с тем его характерную, неизбежную особенность. Практика английского процесса, наряду с отводом с объяснением причин как целого списка присяжных (вследствие неправильных действий его составителей), так и отдельных присяжных (например, при опороченности приговором или предполагаемом пристрастии), допускала, за исключением дел о маловажных преступлениях, и немотивированный отвод отдельных присяжных до привода их к присяге.

С английской практикой сходна в главных основаниях североамериканская, допускавшая, между прочим, мотивированный отвод вследствие доказанных предвзятости суждений присяжного по предстоящему делу или предубеждения его против смертной казни. Во всей остальной Европе, за исключением Австрии, была принята лишь система немотивированного отвода присяжных, занесенных в сообщенный сторонам список. В Германии и Франции, по общему правилу, стороны (в первой – сначала прокуратура, во второй – сначала подсудимый) могут отвести из списка в 36, 30 или 24 лица, из которого должны быть выбраны 12 присяжных, по половине остающегося сверх этой цифры числа, заявляя об отводе гласно

при вынимании каждого имени из жеребьевой урны. В Италии стороны устно, но при закрытых дверях, имели право отвести по 8 человек. В России отвод производился вычеркиванием из списка присяжных каждой стороной (прокурором или частным обвинителем – и подсудимым или его защитником) по три имени. Первоначально это число было вдвое больше, но злоупотребления правом отвода, часто направленные к тенденциозному устранению из состава присутствия лиц, наиболее способных по житейскому опыту или по степени образования правильно судить о деле, привело к тому, что количество отводимых было сокращено. Судебная практика выработала правила, что если не имеющий защитника подсудимый неграмотен, то он удалялся в особую комнату, где судебный пристав прочитывал ему список и вычеркивал за него отводимых присяжных, а также что слушание дела могло состояться лишь в том случае, когда за отводами останется не менее 18 присяжных, чем обыкновенно и руководствовались стороны. Если подсудимых было несколько, то они пользовались правом отвода трех присяжных заседателей по взаимному между собою соглашению, а при разногласии – по большинству голосов или по жребию. Окончательное образование присутствия (скамьи) присяжных производилось путем жеребьевки по списку оставшихся неотведенных присяжных. Обыкновенно для этого употреблялись непрозрачные ящики или урны. Выбор был обставлен различными формальностями и проверками, гарантирующими его правильность. Всех присяжных избиралось 12 комплектных и 2 запасных, на случай болезни или безусловной необходимости отлучки кого-либо из комплектных.

В Англии выбор запасных был необязателен, но судья имел право по сложным делам собственной властью назначать и более двух запасных. Приведение к присяге перед каждым делом и следующее за ним объяснение присяжным их прав и обязанностей были заменены в России начала XX в. исполнением этих действий при открытии периода заседаний, с повторением их для тех лишь присяжных, которые не могли присутствовать в особом публичном заседании перед началом сессии. Этим устранялись бесплодная трата времени и умаление значения присяги от ее слишком частого повторения, обращающего этот священный обряд в механическую формальность.

В Англии перед слушанием каждого дела председатель требовал от присяжных присяги по следующей формуле: «Вы должны судить и постановить правдивый приговор – или правдиво изречь освобождение – по делу между нашим государем королем и подсудимым, стоящим у решетки, и дать правдивый вердикт согласно с очевидностью. Так да поможет вам Бог».

В Германии на слова председателя: «Вы клянетесь Всеведущим и Всемогущим Богом исполнить в деле обвинения против подсудимого обязанности присяжного добросовестно и подать голос по крайнему разумению совести» – каждый присяжный отвечал, подняв правую руку: «Клянусь в этом. Так истинно да поможет мне Бог».

Во Франции каждый присяжный, подняв руку, отвечал утвердительно на слова председателя: «Вы обещаетесь и клянетесь перед Богом и людьми исследовать с самым тщательным вниманием доказательства, предъявленные против подсудимого, не нарушая ни его интересов, ни интересов обвиняющего его общества, не сообщаясь ни с кем до вашего решения, не внимая ни гневу, ни ненависти, ни страху, ни привязанности, решая согласно с поводами обвинения и защиты и следуя вашей совести и внутреннему убеждению с твердостью и беспристрастием, как следует честному и свободному человеку».

Русские присяжные заседатели «обещали и клялись Всемогущим Богом, перед святым Его Евангелием и животворящим Крестом Господним, приложить всю силу своего разумения к тщательному рассмотрению как обстоятельств, уличающих подсудимого, так и обстоятельств, его оправдывающих, и подать решительный голос согласно с виденным и слышанным на суде, по сущей правде и убеждению своей совести, не оправдывая виновного и не

осуждая невинного, памятуя, что во всем этом должны дать ответ перед законом и перед Богом на Страшном суде Его».

Принесение этой присяги было связано с особою торжественностью; все находящиеся в зале судебных заседаний должностные и частные лица вставали и выслушивали ее стоя, а духовное лицо, приводящее к присяге, внушало присяжным заседателям ощущение ее святости. Если духовного лица инославного или иноверного исповедания не было в месте заседания суда, то его в приведении к присяге заменял председатель; он же отбирал торжественное обещание, соответствующее присяге, от последователей вероучений, не приемлющих присяги.

Права и обязанности присяжных заседателей, вытекая из присущей им роли решающих судей, были везде более или менее одинаковы. Они имели равное с судьями право на осмотр следов преступления, поличного и вещественных доказательств, могли требовать от председателя всякого рода разъяснений, делать письменные заметки и предлагать, через председателя же, вопросы всем допрашиваемым лицам. При возобновлении приостановленного для собрания дополнительных сведений заседания по их требованию могли быть возобновлены и некоторые судебные действия или все судебное следствие с самого начала.

В Германии и в России присяжным принадлежало право делать дополнения или замечания по поводу постановляемых на их разрешение вопросов; в случае их о том требования им предоставлялось время для обдумывания своих возражений по вручаемому им списку вопросов.

Вместе с тем устанавливался ряд правил, особенно строгих в Англии и Северной Америке, для ограждения присяжных от всякого постороннего на них влияния. Им вменялось в обязанность (в России – под угрозой денежного взыскания) не оставлять залы заседаний и комнаты совещаний, не собирать сведений по делу вне судебных заседаний и сохранять тайну голосования. Решение свое присяжные повсюду, кроме Англии, постановляли по всякому подлежащему, согласно подсудности, их рассмотрению делу, причем, по общему правилу, признание подсудимым своей вины не лишало их права потребовать подробной проверки этого признания, то есть производства судебного следствия. Только в Англии в случае признания подсудимого себя виновным он судился без присяжных, и от усмотрения судьи зависело допросить кого-либо из свидетелей и экспертов или же прямо приступить к постановлению приговора. Английский судья в высокой заботе о правильности производства суда и движимый исключительно целями правосудия не торопился, впрочем, пользоваться тем, что подсудимый «pleads guilty» и что вместо долгой процедуры с участием присяжных можно ограничиться одним применением наказания. Английская судебная практика знает множество случаев, где судья разъяснял подсудимому все последствия признания им своей вины, указывал на ее оттенки и возможность иной квалификации его деяния, а иногда прямо заявлял, что под вопросом о признании себя виновным следует разуметь лишь вопрос о том, представляются ли подсудимому собранные против него доказательства столь неопровержимыми, что защита против них и опровержение их кажутся ему невозможными. Для облегчения постановления решения присяжным и сейчас вручаются вопросы о виновности подсудимого, вменяемости его и событии преступления, постановке которых в Австрии, России, Италии и Германии предшествует руководящее напутствие председателя. В Англии присяжные отвечают не на такие вопросы, а вообще на весь обвинительный акт против подсудимого, выражая свое согласие и несогласие с этим актом словами «guilty» или «not guilty» (в Шотландии употребляется еще третий термин, «not proven» – не доказано). Речь английского судьи, руководящего присяжными, направлена на выяснение им силы, значения и характера представленных по делу доказательств, оценка которых сложилась годами судейского опыта в целую систему, в своего рода обязательные правила (rules of evidence). В Германии руководящее напутствие, не вдаваясь в оценку доказательств, разъясняет при-

сяжным лишь правовую сторону дела, в Италии, наоборот, – лишь фактическую. Гораздо шире задача напутствия в Австрии по уставу 1873 г. и в особенности в России, где оно обнимало не только юридическую, но и фактическую сторону дела, давая в то же время и общие начала для суждения о силе доказательств, с воспрещением, однако, председателю высказывать свое личное мнение о вине или невиновности подсудимого. При отсутствии защиты по большинству уголовных дел в России такой объем руководящего напутствия при добросовестном исполнении председателем своих обязанностей представлял необходимый корректив для правильного отправления правосудия.

Совещание присяжных, как ранее, так и в настоящее время, происходит в особом помещении, вход в которое безусловно воспрещен: даже вход председателя для объяснений с присяжными не по делу, а по их личному ходатайству должен быть обставлен особыми формальностями и возможностью проверки, чтобы не послужить поводом к отмене решения. В Англии по несложным делам присяжные иногда остаются в зале заседаний и тут же произносят свой вердикт. Управляет совещанием избранный присяжными в начале заседания старшина. В царской России было требование: старшина должен быть непременно грамотный, а в губерниях, где установлено процентное отношение евреев к общему числу присяжных, – христианин.

Решение каждого вопроса должно быть в Англии и Америке единогласное, в Шотландии и всей Европе, кроме

Германии, – по абсолютному большинству голосов, в Германии – по большинству 2/3. Число голосов, подаваемых в Германии, Франции и Италии закрыто, сосчитывалось и отмечалось старшиною; в Германии по вопросу о виновности и о смягчающих обстоятельствах оно вписывалось, наряду с ответами, в вопросном листе. Устав уголовного судопроизводства Российской империи, как и Российской Федерации в настоящее время, рекомендует присяжным склонять свои мнения к единогласию; при разделении голосов поровну принимается мнение, последовавшее в пользу подсудимого. В случае возвращения присяжных в залу заседаний вследствие возникшего между ними при обсуждении дела непонимания председатель разъясняет таковое в присутствии подсудимого, а суд может исправить или дополнить постановленные вопросы. Аналогичные правила существовали и существуют ныне в Германии.

Французский процесс обязывает старшину в совещательной комнате перед началом совещания прочесть присяжным следующее наставление, превосходно определяющее в точных и продуманных выражениях предстоящую им задачу: «Закон не требует у присяжных отчета в способах, коими они пришли к убеждению; он не преподает им правил для суждения о полноте или достаточности того или другого доказательства; – он обязывает их спросить самих себя, в тихой сосредоточенности и по чистой совести, какое впечатление произвели на них приведенные против подсудимого данные и представленные им доводы защиты. Закон не указывает присяжным на условия, при которых доказательства приобретают или теряют безусловную силу, – он задает им лишь один вопрос, заключающий в себе всю меру их обязанностей: имеете ли вы внутреннее убеждение? Весьма важно постоянно иметь в виду, что в основании всех рассуждений присяжных должна лежать оценка обвинительного акта и что они нарушат свой долг, если, думая о карательном законе, будут определять свой ответ по тем последствиям, которые он может иметь для подсудимого. Их назначение – не преследование и не наказание преступлений, а лишь решение, виновен ли подсудимый в возводимом на него преступлении».

В Италии и сейчас в делах с присяжными существует парламентский, а не судебный прием подачи голосов, в силу которого, наряду с письменными записочками о вине или невиновности подсудимого, присяжным предоставляется класть в урну белые билетики, обозначающие воздержание от подачи голоса. Такие билетики причисляются к голосам, поданным

в пользу подсудимого; но если их оказывается более шести, дело слушается вновь. Присяжные заседатели имеют право исключать из вопросов о виновности и о событии преступления некоторые их части, давая ограничительные ответы, например при обвинении в краже со взломом – «да, виновен, но без взлома», в убийстве – «да, виновен, но без обдуманного заранее намерения и умысла» и т. п. В континентальных государствах Европы присяжным предоставлено право признавать подсудимого заслуживающим снисхождения, то есть признавать обстоятельства, смягчающие его виновность. Об этом обязан им напоминать председатель, а для суда такое признание создает обязанность смягчения наказания (у нас в России – на одну степень), следующего по закону. Это право особенно ценно в странах, где за некоторые преступления, подсудные присяжным, назначается смертная казнь. В Англии и Шотландии присяжные были лишены этого права, но зато в широкой мере пользовались правом к обвинительному решению присоединять просьбу о помиловании, а также вообще при провозглашении всякого решения высказывать, в качестве органов общественного мнения, свои пожелания по отношению к усмотренным ими в деле обстоятельствам.

Провозглашение решения с самого создания института суда присяжных совершается более или менее торжественно. Во Франции и в Германии старшина присяжных провозглашает его в отсутствие подсудимого, причем во Франции старшина говорил стоя и положив руку на сердце: «По чести и совести перед Богом и перед людьми, объявляю, что ответ присяжных…».

В России при входе присяжных все встают и выслушивают чтение вопросного листа с ответами, подписанными старшиною, стоя. Решение присяжных не подлежало отмене иначе как в порядке кассационном и в случаях возобновления дел по причинам, указанным в законе. По германскому и русскому уставам уголовного судопроизводства, если судьи единогласно признавали, что присяжными осужден невинный, то дело передавалось на рассмотрение нового состава присяжных, решение которых считается уже во всяком случае окончательным.

Попытки ввести суд присяжных и по гражданским делам, начатые при обсуждении «Code destruction crimmelle» еще Сиейесом, не привели в континентальной Европе к практическим результатам; но в Англии существовало все-таки специальное жюри по гражданским делам в тех исключительных случаях, когда дело требовало особых технических сведений у судей. Таковыми были дела о банкротствах, о подделке торговых книг и счетов и запутанные торговые споры, разрешаемые за отсутствием коммерческих судов обыкновенными общими судами.

Суд присяжных Российской империи просуществовал до принятия Декрета о суде № 1 в конце 1917 г.

Возрождение суда присяжных в России (Советском Союзе) стало активно обсуждаться с конца 80-х гг. XX в.

9 июня 1989 г. Съезд народных депутатов СССР принимает Постановление «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР», в котором впервые на общегосударственном официальном уровне был поднят вопрос о возрождении суда присяжных: «Съезд поручает Верховному Совету СССР обеспечить проведение судебной реформы к середине будущего года, чтобы создать действительно независимую и авторитетную судебную систему, рассмотрев возможность использования такой демократической формы судопроизводства, какой является суд присяжных. Судебные системы союзных республик должны строиться с учетом их политических, правовых и культурных традиций, при соблюдении всех принципов демократического правосудия».

13 ноября 1989 г. принимаются Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве, в статье 11 которых говорилось о возможности решения виновности подсудимого в преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная

казнь либо лишение свободы на срок дольше 10 лет, судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей).

Законом СССР от 10 апреля 1990 г. № 1423-1 вносятся изменения в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, согласно которым «по делам о преступлениях, за совершение которых законом предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше десяти лет, вопрос о виновности подсудимого может решаться судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей). Законодательством союзных республик могут быть установлены и иные категории дел, подсудных суду присяжных (расширенной коллегии народных заседателей)».

В октябре 1991 г. Постановлением Верховного Совета РСФСР была одобрена Концепция судебной реформы, положившая начало новому этапу отечественного правосудия.

С принятием поправок в Конституцию РСФСР (1991–1992 гг.) и новой Конституции России (12 декабря 1993 г.) право обвиняемых на рассмотрение их дел судом присяжных закрепилось на высшем законодательном уровне. Закон РФ от 16 июля 1993 г. дополнил УПК РСФСР разделом X «Производство в суде присяжных». Суд присяжных с 1 ноября 1993 г. был образован в Московской, Ивановской, Рязанской и Саратовской областях, а с 1 января 1994 г. – в Алтайском и Краснодарском краях, Ростовской и Ульяновской областях и далее в других субъектах Российской Федерации.

Первый процесс с участием присяжных в современной России проходил с 15 по 17 декабря 1993 г. в Саратовском областном суде над братьями Артуром и Александром Мартыновыми, обвиняемыми в умышленном убийстве трех человек, совершенном из корыстных побуждений и с особой жестокостью, а также в разбойном нападении, совершенном группой лиц по предварительному сговору. В итоге деяния братьев были переквалифицированы на значительно более мягкую статью УК и они отделались небольшими сроками заключения.

По мере развития института суда присяжных становилось очевидным нежелание обвинения, которое представляла прокуратура, принимать участие в суде присяжных, так как статистика обвинительных приговоров в делах с присяжными значительно отличалась от суда, проводимого без них. К концу 2000-х гг. статистика обвинительных приговоров в

России приблизилась вплотную к 100 %, в то время как присяжные упорно держали планку в 15 % оправдательных приговоров. Провозглашенная борьба с коррупцией и терроризмом как главными врагами российской государственности привела к исключению из числа дел, рассматриваемых присяжными, преступлений этой категории.

Это прискорбно, ибо я с искренней завистью как-то прочел выступление известного российского адвоката С. Андреевского на конференции помощников присяжных поверенных в 1903 г. Почему с завистью? Сами посудите:

«Большинство уголовной практики составляют процессы, где виновность перед законом несомненна. И вот в этой области наша русская защита сделала, на суде присяжных, наибольшие завоевания проповедью гуманности, граничащей с милосердием. Пусть над нами смеются иностранцы! Но я принимаю за наилучший аттестат нашей трибуны иронические замечание французов: „Les criminels sont toujours affranchise en Russie; on les apellent: nestschastnii“, то есть: „В России всегда оправдывают преступников, их называют – несчастными". Всегда – не всегда! Однако же едва ли в каком государстве найдется более человеческий, более близкий к жизни, более глубокий по изучению души преступника суд, чем наш суд присяжных. И это вполне совпадает с нашей литературой, которая, при нашей отсталости во всех прочих областях прогресса, чуть ли не превзошла европейскую не чем иным, как искренним и сильным чувством человеколюбия. Запад невольно смущается перед этою широкою, теплою и мягкою волною всепрощения, идущею с Востока. Практические иностранцы, с течением времени, перестают глумиться, начинают задумываться и уже почти

готовы признать свежесть славянского гения, ибо ведь из самой передовой страны старого запада, из Франции, раздался афоризм: „Tout comprende c'est tout pardoner" – все понять, значит все простить. И вот, даже французам невольно напрашивается вывод: „А пожалуй, русские понимают лучше нашего"…»

Иными словами, более ста лет назад, получается, судебный юрист мог сказать: «Мы в технологиях и науке отстали, зато у нас передовая судебная система. Завидуй нам, Европа!» А я и тысячи моих коллег сегодня можем повторить лишь первые слова из этой фразы. К нашему общему прискорбию.

Скорее к нам сегодня подходят выражения другого классика прошлого столетия, Франца Кафки. В романе «Процесс» приводится диалог обвиняемого – господина К. с неким судебным художником Титорелли, который мог как-то повлиять на благоприятный результат процесса над К., раз уж был судебным художником.

«Художник: Есть три возможности: полное оправдание, оправдание мнимое и волокита. Лучше всего, конечно, полное оправдание, но на такое решение я никоим образом повлиять не могу. По-моему, вообще нет такого человека на свете, который мог бы своим влиянием добиться полного оправдания. Тут, вероятно, решает только абсолютная невиновность обвиняемого. Так как вы невиновны, то вы, вполне возможно, могли бы все надежды возложить на свою невиновность. Но тогда вам не нужна ни моя помощь, ни чья-нибудь еще.

К: Мне кажется, вы сами себе противоречите. Вы только что заметили, что никакие доказательства на суд не действуют, потом вы сказали, что это касается только открытого суда, а теперь вы заявляете, что за невиновного человека вообще перед судом заступаться не нужно. Тут уже кроется противоречие. Кроме того, раньше вы говорили, что можно воздействовать лично на судей, а теперь вы отрицаете, что для полного оправдания, как вы это назвали, какое-либо личное влияние на судью вообще возможно. Это уже второе противоречие.

Художник: Все эти противоречия очень легко разъяснить. Речь идет о двух совершенно разных вещах: о том, что сказано в законе, и о том, что я лично узнал по опыту, и путать это вам не следует. В законе, которого я, правда, не читал, с одной стороны, сказано, что невиновного оправдывают, а с другой стороны, там ничего не сказано про то, что на судей можно влиять. Но я по опыту знаю, что все делается наоборот. Ни об одном полном оправдании я еще не слыхал, однако много раз слышал о влиянии на судей. Возможно, разумеется, что во всех известных мне случаях ни о какой невиновности не могло быть и речи. Но разве это правдоподобно? Сколько случаев – и ни одного невиновного? Уже ребенком я прислушивался к рассказам отца, когда он дома говорил о процессах, да и судьи, бывавшие у него в ателье, рассказывали о суде; в нашем кругу вообще ни о чем другом не говорят. А как только мне представилась возможность посещать суд, я всегда пользовался ею, слушал бесчисленные процессы на самых важных этапах и следил за ними, поскольку это было возможно; и должен сказать вам прямо – ни одного полного оправдания я ни разу не слышал.

К: Значит, ни одного оправдания? Но это только подтверждает мнение, которое я составил себе об этом суде. Значит, и с этой стороны суд бесполезен. Один палач вполне мог бы его заменить…

Художник: Нельзя же так обобщать. Ведь я говорил только о своем личном опыте.

К: Этого достаточно. Разве вы слыхали, что в прежнее время кого-то оправдывали?

Художник: Говорят, что такие случаи оправдания бывали. Но установить это сейчас очень трудно. Ведь окончательные решения суда не публикуются, даже судьям доступ к ним закрыт, поэтому о старых судебных процессах сохранились только легенды. Правда, в большинстве из них говорится о полных оправданиях, в них можно верить, но доказать ничего нельзя. Однако и пренебрегать ими не следует, какая-то крупица истины в них, без-

условно, есть, и, потом, они так прекрасны! Я сам написал несколько картин на основании этих легенд».

Но я искренне надеюсь, что все изменится. И как заполнились полки российских магазинов разнообразным товаром после пустых прилавков 90-х гг. прошлого века, так и судебная система в какой-то момент вернется из «Процесса» Кафки к реальному российскому процессу начала XX в., охарактеризованному словами С. Андреевского: «…русские понимают лучше…».

Глава 2
О русском языке, то есть о языке судопроизводства

2.1. О родном языке

Уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. В Верховном Суде Российской Федерации, военных судах производство по уголовным делам ведется на русском языке (ч. 1 ст. 18 УПК РФ).

Поэтому тому, кто хочет научиться говорить перед присяжными, прежде всего надо знать язык, на котором говорят они. А еще лучше – знать его лучше, чем они.

Вот что говорит П. Сергеич о слоге: «Чтобы быть настоящим обвинителем или защитником на суде, надо уметь говорить; мы не умеем и не учимся, а разучиваемся; в школьные годы мы говорим и пишем правильнее, чем в зрелом возрасте. Доказательства этого изобилуют в любом из видов современной русской речи: в обыкновенном разговоре, в изящной словесности, в печати, в политических речах. Наши отцы и деды говорили чистым русским языком, без грубостей и без ненужной изысканности; в наше время, в так называемом обществе, среди людей, получивших высшее образование, точнее сказать, высший диплом, читающих толстые журналы, знакомых с древними и новыми языками, мы слышим такие выражения как: позавчера, ни к чему, нипочем, тринадцать душ гостей, помер вместо умер, выпивал вместо пил, занять приятелю деньги; мне приходилось слышать: заманул и обманил».

Понятно, почему я сказал, что П. Сергеича буду критиковать? Что такого в словах «позавчера»? Что нерусского он увидел в остальных словах? Ну, мне, как и Вам, резанули слух «заманул» или «обманил». Эти слова точно не прижились за сто лет. Но вот «ни к чему» и «занять приятелю деньги» вполне понятны во времена постов в «Фейсбуке». За слова «отпостить в Фейсбуке» и «засилить решение суда» П. Сергееич должен был просто уничтожить их произнесшего.

Я не хочу сказать, что можно говорить неправильно, ибо время рассудит. Он имел в виду, как и я сейчас: нужно говорить на русском языке, на котором сегодня говорят все, и говорить без ошибок. А если уж говоришь на сленге (как, например, «засилить решение суда» – то есть дождаться вступления решения в законную силу путем прохождения вышестоящей инстанции), то нужно или сказать, например, так: «Как говорится у нас, юристов, „засилить“ решение», или хотя бы обозначить в воздухе кавычки движением указательного и среднего пальцев обеих рук.

Сложная задача в современном мире – говорить на родном языке лучше присяжных, потому что во времена П. Сергеича вряд ли в составе коллегии присяжных оказался бы учитель русской словесности, а вот наличие учителя русского языка и литературы средней школы, специалиста в подготовке к ЕГЭ, в вашем деле весьма вероятно.

Поэтому, когда школьники спрашивают меня, какие предметы нужно учить, чтобы стать хорошим адвокатом, я всегда отвечаю: пока есть возможность и время, учите русский язык и больше читайте книг из школьной программы. Потом времени не будет.

Так что учите, если не хотите дождаться в комнате присяжных такого отзыва о вашей речи: «Да он вообще говорить не умеет, этот адвокат (прокурор). Вы слышали, коллеги? „В

соответствии с результатами судебной почерковедческой экспертизЕ“… Ужас! Двоечником был в школе, наверное!»

Как вы думаете, есть шанс у адвоката выиграть дело, если в самом начале обсуждения вердикта кто-то из присяжных скажет подобное в совещательной комнате? И добавит: «Я – учитель русского языка, и я в шоке от услышанного!»

Уже не будут иметь никакого значения доказательства вины ни для этого присяжного, ни еще для пары присяжных, сдавших русский «на троечку» в школе. Эти двое постараются промолчать и согласиться с мнением «училки». На всякий случай. По крайней мере, они в своих словах будут очень осторожны при обсуждении, чтобы и их не отругали и не поставили двойку в дневник. Итак, в вашем счете против обвинения уже минус три голоса! А всего-навсего нужно было слушаться маму, учить уроки и не сбегать с последнего урока литературы!

Мне в значительной мере повезло: моя бабушка, Елизавета Петровна Маркова, была учителем русского языка и литературы. Мое детство в летние месяцы проходило на родине Чехова, в Таганроге, там же, кстати, родились мои отец, мать и я сам. Мы гуляли с бабушкой каждый день, ходили пешком от дома до кинотеатра или просто кормить уток на пруду в парке. И бабушка мне все время рассказывала что-то интересное.

«Хочешь анекдот?» или «Хочешь, интересную историю расскажу?» – говорила она. Рассказывала она мастерски, а я слушал.

Потом, уже учась в школе, проходя в школьной программе того же Чехова, я начал улавливать, что этого писателя я уже когда-то читал, хотя вроде нам его только что начали преподавать. И А. Толстого читал, хотя только сегодня мой учитель предложил прочесть дома «Детство Никиты».

Понимание, что бабушка мне рассказывала школьную программу 5, 6 и 7-го классов под видом анекдотов пришло, когда я прочел «Лошадиную фамилию». Я помнил, что это анекдот в исполнении бабушки, и просто не знал раньше, что это Чехов.

Великий русский адвокат С.А. Андреевский в ноябре 1903 г. на конференции помощников присяжных поверенных высказался так: «Сделавшись судебным оратором, прикоснувшись на суде присяжных к „драмам действительной жизни", я почувствовал, что и я, и присяжные заседатели, – мы воспринимаем эти драмы, включая сюда свидетелей, подсудимого и бытовую мораль процесса, совершенно в духе и направлении нашей литературы. И я решил говорить с присяжными, как говорят с публикой наши писатели. Я нашел, что простые, глубокие, искренние и правдивые приемы нашей литературы в оценке жизни следует перенести в суд. Нельзя было пренебрегать столь могущественным средством, воспитавшим многие поколения наших судей в их домашней обстановке. Я знал, что их души уже подготовлены к восприятию тех именно слов, которые я им буду говорить».

И это говорил присяжный поверенный в начале XX в., когда состав присяжных не отличался особой образованостью.

Так что, уважаемый читатель, имеющий возможность учить русский язык и литературу, – учи! А тот, кому уже поздно учить, готовься. Готовься к тому, что в составе присяжных может оказаться кандидат наук, защитивший диссертацию на тему «Величие русского языка и особенности построения речи». Это вам не царская Россия начала XX в., все гораздо сложнее!

2.2. О чистоте речи

Раз уж цель оратора в суде присяжных – убедить и учителя русского языка, и остальных, в любом случае он должен говорить не так, чтобы просто поняли, а чтобы не смогли не понять.

Quare non ut intelligere possit, sed ne omnino possit non intelligere, curandum (Не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья).

Эпикур: «Не ищите ничего, кроме ясности».

Аристотель: «Ясность – главное достоинство речи, ибо очевидно, что неясные слова не делают своего дела».

П. Сергеич: «Мало сказать: нужна ясная речь; на суде нужна необыкновенная, исключительная ясность. Слушатели должны понимать без усилий. Оратор может рассчитывать на их воображение, но не на их ум и проницательность. Поняв его, они пойдут дальше; но поняв не вполне, попадут в тупик или забредут в сторону».

«Нельзя рассчитывать на непрерывно чуткое внимание судьи, – говорит Квинтилиан, – нельзя надеяться, что он собственными силами рассеет туман речи, внесет свет своего разума в ее темноту; напротив того, оратору часто приходится отвлекать его от множества посторонних мыслей; для этого речь должна быть настолько ясной, чтобы проникать ему в душу помимо его воли, как солнце в глаза».

Пушкин: «Точность, опрятность – первые достоинства прозы; она требует мыслей и мыслей».

Видите, каждый из великих повторяет одно и то же: говорите понятно, раз уж начали говорить и есть что сказать!

Как правильно отметил П. Сергеич, первый недостаток слога – злоупотребление иностранными словами.

«Мы слышим: травма, прекарность, базировать, варьировать, интеллигенция, интеллигентность, интеллигентный, интеллигент» – эти слова сто лет назад раздражали слух и присяжным были непонятны.

А сейчас? Сейчас присяжные от таких слов не шарахнутся. Но! Что имел в виду П. Сергеич и что я хочу донести до понимания читателя? Сегодня слова и выражения «зафайлить», «отпостить в комментах», «пролонгировать контракт», работать «фрилансером», «вести блог» могут быть понятны оратору в суде, ибо он продвинутый «юзер». Но среди присяжных могут оказаться люди с телефоном, который они даже не знают, как отключить, когда он затрезвонит во время суда. Для таких людей «пост» – это не сообщение на странице в социальной сети, а, может быть, воспоминания из воинского устава: «Пост – все, порученное под охрану и оборону часовому, а также место или участок местности, на котором он выполняет свои обязанности». Поэтому, опять же, вывод: говорите по-русски! За исключением тех иностранных слов, которые уже прижились в русском языке: «менеджер в фирме» сегодня звучит понятнее, чем «приказчик на предприятии».

Не могу не привести цитату из П. Сергеича: «Не только в уездах, но и среди наших городских присяжных большинство незнакомо с иностранными языками. Я хотел бы знать, что отражается у них в мозгу, когда прокурор объясняет им, что подробности события инсценированы подсудимым, а защитник, чтобы не остаться в долгу, возражает, что преступление инсценизировал прокурор. Кто поверит, что на уездных сессиях, перед мужиками и лавочниками, раздается слово алиби?

Иностранные фразы в судебной речи – такой же сор, как иностранные слова. Aquae et ignis interdiction (изгнание из отечества); amicus Plato, sed megis amica veritas (Платон мне друг, но истина дороже) и неизбежное: cherchez la femme (ищите женщину), к чему все

это? Вы говорите перед русским судом, а не перед римлянами или западными европейцами. Щеголяйте французскими поговорками и латинскими цитатами в ваших книгах, в ученых собраниях, перед светскими женщинами, но в суде – ни единого слова на чужом языке».

2.3. О паразитах

Паразиты – это такие лишние вставки в речь, часто повторяющиеся.

«Мы с вами прекрасно знаем, уважаемые…» – эта фраза хороша в речи один раз, и то об общеизвестном факте. Но употреблять ее часто – излишне, так как хотя бы у одного из присяжных возникнет ощущение, что его пытаются «развести», внушить чужую мысль. «А я не знаю этого „прекрасно". И не все это знают! – скажет он в совещательной комнате. – И вообще это не так!» – добавит под одобрительные кивки еще двоих (опять у вас минус три из двенадцати голосов).

«Если оратор знает, что выражаемая им мысль должна показаться справедливой, он может с некоторым лицемерием начать словами: я не уверен, не кажется ли вам и т. п. Это хороший риторический прием», – пишет П. Сергеич, и я с ним соглашусь на сто процентов. Это как будто сказать: «Вы будете выглядеть дураком, если этого не увидите». А кто хочет показаться дураком или слепым?

Это не относится к окончанию речи, категорически нельзя заканчивать речь словами: я не знаю, какое вы вынесете решение… Раз не знаешь, значит, сам не убежден в своей правоте. Присяжные вынесут только то решение, которое им озвучил прокурор или адвокат. Другого они вынести не могут. И если оратор не знает, какое, то зачем он вообще выходил и что-то говорил?

2.4. О точности

«Точность обязательна при передаче чужих слов; нельзя изменять данных предварительного и судебного следствия», – говорит П. Сергеич.

Дело в том, что присяжные – это люди, которые могут путать имена, фамилии, названия местности или места работы обвиняемого или свидетелей. Особенно если фамилии похожи или сложные. Присяжные не изучали внимательно материалы дела, а присяжные телепроекта, о которых я говорю, вообще все воспринимают на слух в течение трехчасовой съемки. Они могут не помнить фамилию свидетеля, который говорил что-то в вашу пользу, в пользу защиты. И если окажется, что вы вышли к ним с речью и намереваетесь сказать что-то вроде: «Мы с вами, дамы и господа, слышали показания свидетеля… эээ… не помню его фамилию, но он сказал вот что.», то учтите: так нельзя говорить, это – testimonium paupertatis (свидетельство о бедности).

Или вот случай из практики настоящего судебного процесса. Следователь, выйдя в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей мэра одного из городов, сказал в обоснование своей позиции: «Дело очень сложное, по нему назначено порядка семнадцати экспертиз, их результатов пока нет». И естественно, сразу последовал вопрос от адвоката следователю: «А „порядка семнадцати" – это сколько? Вы ведете дело, Вы не помните, сколько точно назначено экспертиз?»

Если бы подобная сцена разыгралась в суде присяжных, то присяжные, безусловно, отметили бы для себя некомпетентность следствия. А фразу «Да что это за следствие, топорное такое.» я слышал десятки раз в исполнении присяжных при обсуждении вердикта. Так что адвокату при ведении процесса следует придерживаться точных формулировок самому и следить за неточностями в речи оппонента. Тем более адвокату проще, он может услышать ошибки прокурора, так как обвинитель в прениях выступает раньше, и грех эти ошибки не использовать в своем выступлении.

Например, я как-то говорил в прениях: «Если бы государственный обвинитель был уверен в своей правоте, он бы, конечно, не позволил назвать подсудимого Сидоренкова – Сидоркиным. Но для прокурора нет разницы, так как задача прокурора не искать истину, а поддерживать обвинение. Вынесете ли вы обвинительный вердикт в отношении Сидоркина или Сидорова, для прокурора не имеет значения, главное, что подсудимый виновен».

Присяжные – не конвейер по вынесению обвинительных приговоров, очень многие относятся к своей роли в процессе с гордостью и чувством гражданской ответственности за судьбу человека. Поэтому, услышав о бездушии обвинения, они могут разглядеть в подсудимом человека, а не статистическую обвиняемую единицу. Тогда ошибка прокурора в фамилии может иметь существенное значение.

2.5. Ненужные мысли

«Сорные мысли несравненно хуже сорных слов. Расплывчатые выражения, вставные предложения, ненужные синонимы составляют большой недостаток, но с этим легче примириться, чем с нагромождением ненужных мыслей, с рассуждениями о пустяках или о вещах, для каждого понятных».

В этом П. Сергеич прав, как всегда, но сегодня, спустя сто лет, следует особо подчеркнуть: не говорите очевидных вещей, которые и так понятны. Журналистов учат в вузе, как писать статьи, чтобы читателю не было скучно. Читатель должен иметь возможность включать фантазию, иначе читать перестанет. Например, если написать: «Кувалда упала на стеклянную столешницу», то необязательно добавлять, что та «разлетелась вдребезги». Так и в речи перед присяжными.

Если, например, вы пытаетесь уверить присяжных в том, что подсудимый не поджигал квартиру умышленно, а сделал это нечаянно, то не стоит говорить: «Мой подзащитный поставил включенный утюг на гладильную доску, и от горячего утюга загорелась обивка, потом пламя перекинулось на шторы, и все заполыхало и в огне, и дыму погибла женщина». Проще сказать: «Он поставил утюг на гладильную доску и забыл про него. А этот утюг сам по себе не выключается, как оказалось, старая модель. Вот и случилось то, что и должно было случиться неминуемо».

Присяжные сами представят картину, как загорается обивка гладильной доски, как пламя перебрасывается на шторы, как гибнет женщина, но запомнят из ваших слов только одно – виноват утюг, а человек, забывший его выключить, никого убивать не хотел. Просто растяпа, который должен ответить по статье «причинение смерти по неосторожности». Но не за поджог и убийство с особой жестокостью.

Сергееич говорит: «Берите примеры из литературы, берите их сколько угодно, если они нужны; но никогда не говорите, что взяли их из книги. Не называйте ни Толстого, ни Достоевского, говорите от себя».

Не соглашусь сегодня с этим тезисом. Наверное, сейчас, когда Достоевского проходят в школах и присяжные его читали, не сослаться на первоисточник – это выдать чужую мысль за свою. И это может вам навредить. А если сказать: «Уважаемые дамы и господа, помните из школьной программы, Толстой говорил…», вы покажете свою осведомленность и намекнете, что присяжные, как и вы, хорошо учились в школе, даже если это не так. Только не увлекайтесь цитатами, вот тут вы станете зубрилой-отличником, а их мало кто в школе любил.

Совет не ссылаться на автора может быть применим к анекдоту. Не важно, что у каждого анекдота есть автор, какой-нибудь Жванецкий, или Горин, или ваш сосед по даче. Анекдот – это особый жанр, не надо говорить, кто вам его рассказал.

Некоторые мои коллеги в настоящем суде присяжных читают стихи. Я никогда не читал стихи перед присяжными. И не советую этого делать.

П. Сергеич пишет: «Лучший пушкинский стих есть неуместная роскошь в суровых словах прокурора, как и в полной надежд и сомнений страстной речи защитника: нельзя мешать жемчуг с желчью и кровью… Но ведь у Кони, у Андреевского, кажется, нет ни одной речи без стихов или, по крайней мере, без выражений, взятых в стихотворениях. Да, но, во-первых, им это можно, а нам с вами нельзя; а во-вторых, возьмите заключение Андреевского по делу Афанасьевой: там упоминается старинное стихотворение о страданиях любви; это безупречно в своем роде, но это изящная словесность, а не судебная защита».

Браво, Сергеич! Лучше не скажешь! Вот именно! Кони и Андреевскому можно было читать стихи. А нам с вами нельзя! Потому что раньше публика в суд ходила, как в театр,

послушать речи. Бесплатно и интересно. А сейчас в каждом доме телевизор и в нем телеканал «Культура». Не вяжутся стихи с убийством. В моем понимании не вяжутся. Да вот и Сергеич оказался согласен.

2.6. Сравнение с собой

П. Сергеич говорит: «Избегайте предположений о самом себе и о присяжных. У нас часто говорят: если у меня разгромили квартиру… если я знаю, что от моего показания зависит участь человека… и т. п. Такие выражения просятся на язык, потому что придают речи оттенок непринужденности; но они переходят в привычку, которой надо остерегаться. Не замечая этого, наши защитники и обвинители высказывают иногда о себе самые неожиданные догадки, вроде следующих: „Если я иду на кражу со взломом, я, конечно, запасаюсь нужными орудиями…". Нельзя думать, чтобы судьям было особенно приятно выслушивать подобные речи».

Не соглашусь опять. П. Сергеич, видимо, имеет в виду коронного (федерального, по-нашему) судью, а не присяжных. Может быть, судье, умудренному чужим опытом преступлений и своим опытом рассмотренных уголовных дел, не особо приятна будет такая речь адвоката. Действительно, зачем судье сообщать о том, что сделал бы ты, если бы ты был преступником. Судья знает, что сделали сотни других, которые прошли через его судебный зал заседаний. Но присяжный – это не опытный судья. Он примеряет на себя поступок человека, которого судят. И пример в речи со ссылкой на себя, на ваше отношение, на то, как вы бы поступили, заставит присяжного в совещательной комнате сказать: «А я вот не стал бы делать так!» Или присяжный произнесет даже лучшую для вас фразу: «А я вот согласен с защитником, какой дурак будет стирать отпечатки пальцев с ручки двери, а на ноже оставит. Уж наверное стер бы. Я бы стер. И нож выкинул».

Добавлю еще от себя: не стесняйтесь приводить примеры из своей жизни. Если вам позволит такую роскошь председательствующий, конечно, и не остановит ваш порыв. Например, понимая, что среди присяжных есть бывшие военные, я неоднократно пользовался этим приемом и говорил: «Как-то, когда я служил молодым офицером в армии, у нас был вот такой случай».

Таким приемом вы, во-первых, дадите сигнал части присяжных: «Я – свой». Потому что среди них будет или офицер-пенсионер, или родственник военного.

Во-вторых, скорее всего, ваш пример окажется похожим на случай из его жизни. Тогда он вспомнит свою молодость и расскажет о ней в совещательной комнате. Тут надо, конечно, понимать, что ваш случай из практики может не совпадать по результату со случаем из опыта присяжного, поэтому нужно тщательно взвешивать, как говорить, чтобы ваш случай оказался универсальным, а результат – одинаковым для всех обстоятельств.

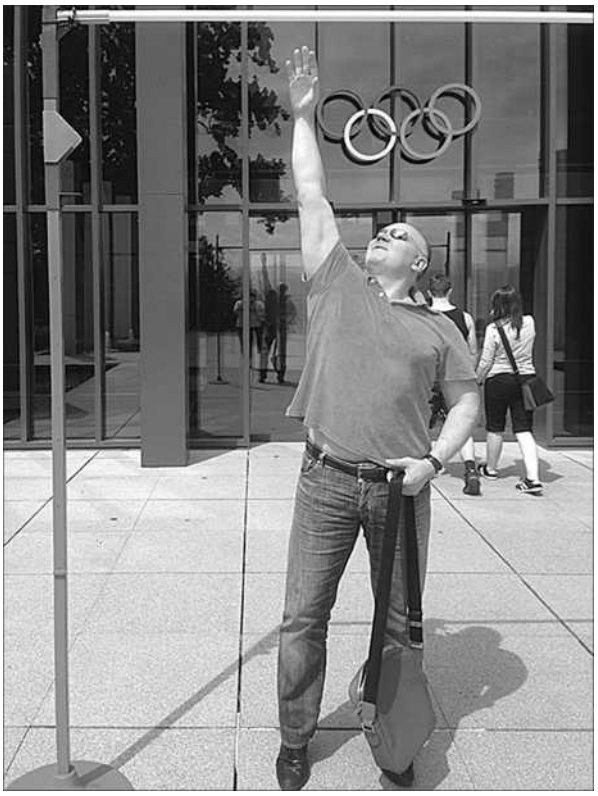
Например, возможна такая речь:

«У нас в карауле один солдат расстрелял сослуживцев. Стали разбираться, почему, оказалось – его бросила девушка, написала ему письмо, он не выдержал и сорвался на своих. Конечно, его посадили. Но за убийство в состоянии аффекта. Ведь помимо девушки были еще старослужащие, которые заставили солдата учить устав перед заступлением на пост, был подзатыльник, который позволил себе начальник караула. В общем, неуставные взаимоотношения. На них солдат не обратил бы внимания, если бы не девушка со своей изменой. Но виновата ли тогда была девушка? И наказал ли кто-то девушку за нарушенное обещание ждать? Никто. А вот командира части и всех офицеров наказали. За то, что не знали, что этого солдата бросила девушка, и поставили его в караул в таком состоянии, за чтение устава, за подзатыльник. Моего подзащитного также предала девушка. Он пошел на убийство совершенно посторонних людей, которые его унизили оскорблением. Он не обратил бы на это никакого внимания вчера, так как в его душе были покой и гармония, он любил и был любим. Но сегодня… Сегодня его предали. Кто-то наказал его любимую за предательство? Как и в случае с тем солдатом из моей молодости – нет. Кто-то наказал его отцов-команди-

ров? Нет, так как у моего подзащитного нет отцов-командиров. Нет никого, кто частично мог бы смягчить его вину и наказание. Он один. Он один был тогда, он один и сейчас. Если только.». Далее стоит упомянуть о присяжных, кому дано право решать судьбу человека. И присяжные, уверяю, будут его обвинять, но по девушке точно пройдутся. Если вы им, конечно, расскажете, как она его предала, в цветах и красках.

Или вот еще пример. Когда в деле об убийстве мужа обвиняли жену, приехавшую к нему на дачу (они жили раздельно), моей задачей было заронить в головы присяжных мысль о том, что убийство мог совершить некто, перелезший через забор. Этого некто зафиксировала видеокамера, когда он просто проходил вдоль забора в это время. Прокурор сообщил присяжным, что никто не мог перелезть через забор, так как специальных приспособлений не обнаружено, а забор был высокий – примерно два с половиной метра, так просто не перепрыгнешь. Я, выйдя к присяжным, держал в руках свой планшетный компьютер. Честно говоря, мысль показать фотографию для наглядности пришла мне в голову в процессе съемки программы. Я намеревался просто сказать, что забор в два с половиной метра – это не такое уж серьезное препятствие для ловкого мужчины. И еще подумал, что неплохо бы для наглядности поднять руку над головой, показав, что два с половиной метра – это вот столько. Но тут я вспомнил, что буквально на днях вернулся из Лозанны, из Швейцарии, где удалось посетить Музей Олимпийских игр. На входе в музей установлена планка с мировым рекордом по прыжкам в высоту среди мужчин, которая отмеряет высоту в 2 метра 40 сантиметров. Я тогда сделал фотоснимок, как тянусь рукой к этой планке, почти касаясь ее кончиками пальцев. Вот этот снимок и был у меня в планшете.

Выйдя к присяжным, я в нужный момент речи, говоря о высоте забора, включил экран планшета и показал присяжным снимок, сказав: «Вот я около Музея Олимпийских игр. Вот планка мирового прыжка в высоту, почти два с половиной метра. Прокурору кажется, что это нереальная высота для преодоления. А ведь люди (некоторые) прыгают через нее без всяких приспособлений. Бог их знает, как им это удается, но они это делают. А с обычной ловкостью ничего не стоит подтянуться и перемахнуть через этот забор любому здоровому мужчине, ведь верно?» В этот момент я обратился к двум молодым людям из числа присяжных с краю, которые дружно закивали головами, а остальные присяжные это увидели.



Так что не бойтесь экспериментировать с собой и приводить свои примеры. Так вы становитесь ближе к присяжным, они начинают вам верить, а это главный залог успеха. И будьте готовы к тому, что председательствующий судья вас остановит словами: ваш опыт не имеет отношения к делу, говорите по существу, не ссылайтесь на другие доказательства, которые не были исследованы нами. К таким фразам нужно быть готовым и отвечать что-то вроде: «Ваша честь, я и не думал ссылаться на доказательства, я произношу речь, а она не состоит из перечисления доказательств по делу. Речь – это взгляд защиты, и я не могу не подкрепить его примерами, которые к делу отношения не имеют, но облегчают понимание сказанного и его осмысление. Ведь ради понимания того, что произошло, мы здесь и собрались. Не употреблять сравнения, метафоры и другие языковые приемы было бы преступлением со стороны защиты!»

Если судья вас все-таки заставит замолчать, будьте уверены, очки у присяжных вы уже все равно заслужили.

2.7. Святая простота

Как П. Сергеич, так и я вслед за ним на протяжении повествования возвращаюсь к простоте слова.

«Все гениальное – просто» – так вроде говорят?

«Надо говорить просто. Можно сказать: „Каин с обдуманным заранее намерением лишил жизни своего родного брата Авеля“ – так пишется в наших обвинительных актах; или: “Каин обагрил руки неповинною кровью своего брата Авеля" – так говорят у нас многие на трибуне; или: „Каин убил Авеля“ – это лучше всего, но так у нас на суде почти не говорят», – пишет П. Сергеич.

Я лично слышал как-то прокурора, повторившего трижды в ходе своей речи: «Подсудимый убил свою жертву на почве межнациональной ненависти и вражды».

Так и хотелось на третий раз перебить его словами: «На улице убийство произошло! В драке!»

Простыми словами донести присяжным сложную юридическую конструкцию – это задача не из легких. Для того чтобы это получалось, я часто выходил к присяжным с толстой книгой Уголовного кодекса России. Сам вид килограммового комментария к УК РФ внушал ужас, и я представлял, как присяжные съеживаются от мысли, что я сейчас в душном зале судебного заседания (под светом юпитеров освещения) буду читать юридические формулировки. И надо сказать, иногда я это делал, приводя комментарии по поводу правоприменительной практики Верховного суда. Что, мол, в таких случаях Верховных суд говорит вот что… Или вот что… Честно скажу, никогда не слышал в совещательной комнате, чтобы присяжные хоть раз вспомнили, что там сказал Верховный суд в таком-то постановлении Пленума. Им абсолютно все равно, что он там сказал. Ни разу не было, чтобы хоть один из присяжных хотя бы намекнул: мол, «коллеги, помните, что говорил адвокат, Верховный суд разъяснил…». Не дождетесь вы этого.

Поэтому мои последующие обращения к Верховному суду или текстам комментария с книжкой в руках перед присяжными было не больше чем приемом показать: что тут написано – сложно и непонятно, но то, что я сейчас скажу, – будет абсолютно прозрачно, честно, понятно и не запутано. Поэтому я, потрясая толстой книгой комментария, говорил примерно следующее:

«Вот в этой книге написано многое из того, что озвучил прокурор. Многое, что может в то же время разъяснить, что мой подзащитный невиновен. Эта книга лежит на вашем столе в совещательной комнате, и вы всегда можете к ней обратиться, если захотите, когда будете обсуждать вердикт. Но… На самом деле Уголовный кодекс – это всего лишь современная версия десяти заповедей, о которых слышал даже атеист. И которые должны соблюдать все нормальные люди. Не убий, не укради, не прелюбодействуй – это разве не Уголовный кодекс? И разве это надо комментировать? Поэтому я не буду ссылаться на эту толстую книгу, уважаемые дамы и господа, я лишь хочу сказать, что в данном деле, чтобы сказать о моем подзащитном как о человеке, нарушившим главную заповедь – „не убий“, такой же толщины должно быть обвинительное заключение. И еще должны быть вам представлены такие доказательства, чтобы прокурор не смог поднять обвинительное заключение двумя руками. Чтобы не осталось никаких сомнений, что тот, кто сидит в клетке перед вами, и никто другой совершил убийство. А в нашем деле…» И дальше можно пройтись по самым ярким ляпам и недочетам следствия, а в конце речи вернуться к толстой книге, обыграв ее тяжесть и тяжесть ошибки, которую можно совершить неправосудным вердиктом.

Квинтилиан сказал: «Всякая мысль сама дает те слова, в которых она лучше всего выражается; эти слова имеют свою естественную красоту; а мы ищем их, как будто они скрыва-

ются от нас, убегают; мы все не верим, что они уже перед нами, ищем их направо и налево, а найдя, извращаем их смысл. Красноречие требует большей смелости; сильная речь не нуждается в белилах и румянах. Слишком старательные поиски слов часто портят всю речь. Лучшие слова – это те, которые являются сами собою; они кажутся подсказанными самой правдой; слова, выдающие старание оратора, представляются неестественными, искусственно подобранными; они не нравятся слушателям и внушают им недоверие: сорная трава, заглушающая добрые семена».

Одно слово может выразить всю сущность позиции защиты, один удачный эпитет может изменить мнение присяжных, и никакие доказательства обвинения не перевесят удачного сравнения. «Такие слова надо подметить и с расчетливой небрежностью уронить их несколько раз перед присяжными; они сделают свое дело», как сказал П. Сергеич.

Вспоминаю два дела из телепроекта.

В одном случае судили парня за убийство. Оказался он на репетиции рок-группы, где, пытаясь спасти свою девушку от тлетворного влияния неформалов рок-музыкантов (наркотики, выпивка и т. п.), вроде как в драке нанес лидеру группы несколько ударов по голове чем-то тяжелым. И покушался на жизнь остальных участников (поэтому его судили судом присяжных – за покушение на убийство двух и более лиц).

В качестве потерпевших в зале присутствовали рок-музыканты, они вели себя вальяжно, были одеты в черные кожанки-«косухи» и майки с черепами, носили цепи на животах и характерные браслеты с шипами.

А мой подзащитный был обычный студент, в спортивном костюме и кроссовках без шнурков, сидел в клетке и смотрел в пол. Несмотря на наличие мотива, пребывание на месте преступления и иные следы (отпечатки, кровь на одежде и т. п.), позиция защиты заключалась в том, что «ботаник» действительно приходил, буянил и даже подрался с погибшим, но не убивал. А эти трое как раз и есть настоящие убийцы, которые стукнули своего же и вину решили свалить на моего подзащитного, раз уж так сложилось, что он явился к ним сам с недобрыми намерениями.

Ведя его защиту, я, помимо всего прочего, несколько раз, обращаясь к присяжным, повторил: «Посмотрите на этих прекрасных и безобидных парней (при этом ребята в шипах и черных „косухах“ улыбались) и посмотрите на этого монстра, этого убийцу, этого головореза (мой „ботаник“ втягивал голову в узкие плечи)…»

Следовало ли сомневаться, что присяжные в совещательной комнате отметят существенную разницу во внешнем виде потерпевших и подсудимого и не поверят, что «он – монстр», а «они – прекрасные и безобидные парни».

Второе дело было по обвинению студента в соучастии в убийстве и поджоге. Два парня решили отомстить владельцу палатки с шаурмой за то, что, съев на днях его продукт, отравились. Один изготовил горючую смесь типа «коктейля Молотова», другой приехал с ним на машине к палатке. Мой подзащитный остался в машине, а его подельник взял бутылку, вышел из машины и метнул ее внутрь палатки. Вспыхнул огонь, пламя попало на газовый баллон внутри, и тот рванул. Взрывом убило владельца палатки (турка по национальности) и самого поджигателя. А мой подзащитный, испугавшись, перепрыгнул на сиденье водителя и попытался скрыться, но был задержан экипажем патрульно-постовой службы тогда еще милиции. На суде он говорил о своей непричастности, бутылку-де он брал, но потому, что она лежала под ногами (случайно), но все остальное делал погибший подельник. А обвиняли парня в убийстве общеопасным способом по мотивам национальной вражды, так что светило ему прилично. Ну и у прокурора были доказательства, надо сказать, весомые: отпечатки – раз; пребывание в машине – два; студенты-однокашники подтверждали, что он, в общем-то, не очень дружески относился к лицам неславянской внешности и языковой группы.

Я, готовясь к программе, за сухими строчками сценария не видел людей. В постановочном суде есть, конечно, элемент неожиданности, я ведь не работаю до съемочного дня ни со своим подзащитным, ни со свидетелями, я не вижу потерпевших.

В настоящем суде надо иметь в виду, что полная информированность адвоката об участниках процесса (включая их внешность) может пригодиться. Но тут мне приходилось реагировать на сюрпризы мгновенно, прямо в зале суда. Я себе представлял своего подзащитного этаким националистом-скинхедом, полагая, что именно такой образ будет создан шеф-редактором по актерам и режиссером программы. Плачущая вдова с фотографиями детей-сирот общалась, по сценарию программы, с судом через переводчика с турецкого языка, давая показания о сложившемся тяжелом положении, когда из-за убийства мужа, только что получившего гражданство России, она не сможет содержать пятерых маленьких детей. Как понятно, плачущая женщина и пять малюток, оставшихся без отца, шансов моему скинхеду оставляли мало. Но это по сценарию. Когда я вошел в студию и увидел актеров, что будут играть подсудимого и потерпевшую, я понял, что выиграю процесс, и мысленно перестроил структуру речи, которую готовил заранее.

Дело в том, что мой подзащитный был меньше всего похож на скинхеда. Студент, в клетчатой рубашке, застегнутой до верхней пуговицы, худенький и в очках. А потерпевшая была очень колоритная черноволосая, чернобровая и черноглазая турчанка (носитель языка, кстати), одетая в зеленое национальное длинное платье и платок-хиджаб.

Конечно, двенадцать присяжных не могли не услышать мои слова: «Посмотрите на этого националиста, моего подзащитного, на его бритую голову с татуировкой (парень был взъерошенный и длинноволосый), на его камуфляжные брюки и армейские полуботинки (на нем были брюки-дудочки и туфли). По мнению прокурора, он именно такой…»

Про потерпевшую я вообще ничего не стал говорить, это было лишним, ее внешний вид говорил сам за себя. Надо сказать, что об одежде ничего сказано в комнате присяжных не было, они деликатно промолчали и не стали упоминать о хиджабе. Но на другую фразу, не имеющую ничего общего с делом, они внимание обратили. Я рассказал присяжным, что «хозяина палатки убил не „коктейль Молотова“, а взрыв газового баллона. Да, „коктейль Молотова“ вызвал пожар, но не взрыв. Взорвался баллон, которого, по правилам, быть в палатке не должно. Газовый баллон в палатке – это незаконно. Что ж получается, если бы погиб кто-то из случайных прохожих или пассажиров, ждущих автобуса на остановке, то моего подзащитного судили бы уже за убийство двух лиц – хозяина палатки и прохожего? Больше жертв, и тяжелее наказание. А если бы. (Я сделал многозначительную паузу и посмотрел на потерпевшую.) А если бы в палатке был не газовый баллон, а ящик с фугасами? Взлетел бы на воздух весь район. Моего подзащитного надо было судить за массовое убийство?»

Понятно, что речь я закончил тем, что при любых обстоятельствах мой студент просто сидел в машине. А тот, кто метал «коктейль Молотова», погиб сам. Ему и отвечать перед Богом.

2.8. Чтобы не уснули

Посвящая в своей книге «Искусство речи на суде» отдельную главу благозвучию речи, П. Сергеич привел занимательный пример. Он рассказал об ораторе, который в суде изложил подробный расчет расстояния и времени, необходимого, чтобы доехать из некоего места до места преступления. Делал он это, чтобы доказать невиновность своего подзащитного, делал старательно, отмеряя версты, сажени и временные отрезки: «От завода до паровика две версты – полчаса; от паровика до Николаевского вокзала три перегона – сорок минут, от Николаевского вокзала до Адмиралтейства один перегон – пятнадцать минут…» и т. п.

П. Сергеичу показалось, что говорил защитник торопливо и возбужденно, при этом интонацией уравнивая скучные расчеты с критикой обвинения и предостережение от осуждения невиновных. Все это не понравилось П. Сергеичу, равно как и другим зрителям этого судебного спектакля, его коллегам. По мнению корифеев судебной риторики, защитник только запутал всех присяжных и направил их мысли в другом направлении. Но! «Ошибки эти, впрочем, не имели последствий: подсудимые были оправданы», – сообщает П. Сергеич.

Что это означает? Подтверждается вывод, который сделал и я после сотни судебных речей в виртуальном суде перед телевизионными присяжными: что конкретно из твоей речи произведет на них впечатление, ты никогда не узнаешь заранее! Управлять этой дюжиной – очень сложная наука. Вспоминается один американский судебный сериал, «Закон Хэрри», о пожилой исключительно порядочной даме-адвокате, которой авторы сериала противопоставили героя-антипода, адвоката-выскочку, хоть и немолодого, но очень яркого юриста, играющего на публику, любящего громкие процессы, обожающего пресс-конференции и присутствие прессы в своих судах. Притом все это было показано так гротескно, что поневоле задаешься вопросом: как этот адвокат может выигрывать дела, он же клоун?! И тот же примерно вопрос задала ему героиня сериала: «Зачем тебе, такому умному (а он и правда далеко не дурак был по сценарию), вся эта мишура, эти спецэффекты перед публикой, зачем эта клоунада перед присяжными? Ты ведь и так можешь выигрывать дела, слыть умным и успешным адвокатом, а не циркачом?»

Адвокат (звали его, кажется, Джефферсон), ответил поучительной историей: «Когда я только начал заниматься адвокатской практикой и вел свое первое дело перед присяжными, от волнения у меня разболелся живот. Сидя на своем месте, я расстегнул брюки, чтобы, пока сижу, стало легче. А когда настала моя очередь выступать, я забыл об этом, встал, и брюки свалились почти до колен, показав мои трусы в цветочек. А присяжные – засмеялись. И пока я, застегнувшись, говорил свою речь перед ними, они улыбались и кивали благосклонно головами. И я выиграл дело! И вот с тех пор я каждый раз пытаюсь заставить их улыбнуться… Каждый раз, можно сказать, я снимаю штаны.»

Конечно, снимать штаны перед присяжными – это гротеск. Но и пример того, что в своей речи вы должны быть, как минимум не скучным и лучше всего заставить присяжных улыбнуться, как бы это ни было трудно в кровавом деле. Как это сделать – каждый решает сам, в зависимости от обстановки. В деле об убийстве матери и двух маленьких деток не до улыбок. Но мне удавалось заставить присяжных улыбнуться, это увеличивало шансы на успех. В одном из дел рассматривался случай убийства одинокой женщины, проживавшей в загородном доме. Мои подзащитные были простые работники – садовник и помощник по хозяйству. По версии обвинения, они убили даму из корыстных побуждений и ограбили. У женщины был молодой любовник – музыкант и певец, который выступал свидетелем и уехал за 10 минут до предполагаемого убийства. Как понятно, моя задача была доказать, что он вполне мог быть убийцей и у него был мотив. В судебном заседании была допрошена также девушка-свидетель – коллега по бизнесу этого молодого любовника. Она сказала, что слы-

шала, как погибшая накануне приезжала к ним в студию и скандалила с ее молодым другом, крича что-то типа: «Бабки не вернешь – сдам тебя бандитам, кровью мочиться будешь».

На вопрос о деньгах молодой любовник отвечал, что действительно его пассия спонсировала его проекты своими деньгами, но суммы он не помнил, так как «личность творческая», а деньги он всегда ей возвращал.

Уличая его во лжи, я сказал, что мотив у этого молодого человека был гораздо серьезнее, нежели чем у двух работяг.

«Погибшая пригрозила, что сдаст его бандитам и он будет мочиться кровью. А он – личность творческая. И ему как творческой личности особенно не хочется мочиться кровью, это неэстетично».

При этих словах двое из присяжных улыбнулись, а одна женщина засмеялась. Парень этот был похож на метросексуала, такого изнеженного и наглого альфонса, в творческом плане из себя ничего не представляющего. Присяжным показалось забавным то, что я сказал, и это заставило их улыбнуться. Так что сразу стало ясно: трое из двенадцати уже будут за меня.

Ну, и еще: чтобы вы просто не наскучили присяжным, которые иногда способны заснуть в суде (и тут нет разницы – суд в ТВ-студии или суд реальный), ваша речь не должна быть монотонной.

«Остерегайтесь говорить ручейком, – пишет П. Сергеич. – Вода струится, журчит, лепечет и скользит по мозгам слушателей, не оставляя в них следа».

Если кто помнит, был в середине 2000-х годов, или, может, есть и сейчас, такой телеканал – МУЗ ТВ. Как мне рассказал один мой клиент-доверитель, известный стилист Сергей Зверев, который именно там раскрутил образ «Звезды в шоке», музыкальный канал умирал. Вообще, видимо, приход Сергея Зверева на этот канал и смена стиля позволили этому каналу выжить. Действительно, я помню, вначале этот канал крутил музыку, клип за клипом. И музыка была вполне себе, и клипы качественные, но аудитория и рейтинги падали. В это время основной конкурент, MTV, как раз наоборот, рос. Вроде тоже музыка, клипы и т. п. – но MTV стал разбавлять сплошную музыку ди-джеями, их комментариями к клипам, странными шутками, а потом пошли передачи, мультики и т. п. И так добивался успеха. Почему? Потому что зритель устает от однообразной, даже очень качественной картинки. Равно как и присяжный устанет от монотонной речи адвоката и начнет клевать носом. То есть он вас не услышит, а раз не услышит, то его мысли при обсуждении вердикта будут путаными и ориентироваться он будет не на логику вашего выступления, а на мысли соседа и свое представление о том, что услышал, но не понял. Или что приснилось. Поэтому говорить надо с такой интонацией, чтобы самые неинтересные вещи звучали разными оттенками, особенно обращать внимание на то, чтобы переходы вашей мысли сопровождались сменой интонации, тем более если вы говорите о различных обстоятельствах дела.

Как говорил Р. Харрис в своей книге «Школа адвокатуры» и которую переводил лично П. Сергеич, часто цитируя в своем труде: «Модуляция голоса – самая прекрасная из всех прелестей красноречия. Это музыка речи, о ней мало заботятся в суде, да и где бы то ни было, кроме сцены; но это неоценимое преимущество для оратора, и его следовало бы развивать в себе с величайшим прилежанием».

Харрис, писавший книгу в Англии еще в XIX в., не напрасно упомянул сцену. Зрители в театре уйдут со спектакля, если им станет скучно. Если не освистают и не закидают тухлыми яйцами.

Изъясняясь современным языком и применительно к моему опыту участия в телепроекте «Суд присяжных», расскажу такой случай: как-то режиссер программы, объясняя нам, участникам проекта, как надо себя вести во время съемки суда (в большей степени обращаясь к артистам, играющим свидетелей и подсудимого), озвучил такую мысль: «Представьте,

что вы – воюете. Воюете за внимание телезрителя. Ваше оружие – слово и качество его произношения. Вы воюете против телезрителя, который сидит у экрана, вооружившись пультом. Если вы будете скучны, он вас выключит. Переключит на другой канал, туда, где взрываются дома, падают с моста машинки, раздеваются донага красотки… Его палец на спусковом крючке – кнопке пульта дистанционного управления. Нажать на нее – дело одного мгновения. Ваша задача – как можно дольше удерживать его от этого шага. Еще лучше, чтобы он пульт отложил. А еще тот телезритель, кто перешел к нам с другого канала, щелкая пультом, должен остаться у нас и не идти дальше. Если он сразу не поймет, о чем тут речь или что тут какое-то движение, хоть и словесное, то он уйдет дальше».

Понятное дело, режиссеру нужны цифры рейтинга, он хочет удержать внимание зрительской аудитории. А вам в речи перед присяжными нужно их внимание. Представьте, что они с пультом. Будете говорить монотонно – вас выключат.

Еще вспоминается одно дело, когда моего подзащитного обвиняли в убийстве мужчины путем отравления, а его, умирающего, обнаружила пришедшая с работы жена. Она вызвала «скорую» и полицию, но муж умер, пока они ехали. Так как у женщины был мотив на убийство мужа, я попытался убедить присяжных, что это она вполне могла отправить на тот свет своего обожаемого, чтобы завладеть наследством. Никаких доказательств, в общем-то, не было, за исключением одной детали, которая и стала для меня спасительной соломинкой. Женщина вернулась домой в 21.00, что зафиксировала камера наружного наблюдения у подъезда. Сама она точно описала время прихода в квартиру, так как начались вечерние новости по телевизору. А вот звонок в «скорую помощь» зафиксирован в 21.10.

Я, готовясь к программе и своей речи перед присяжными, купил накануне песочные часы на 10 минут. Выйдя выступать, я вначале попросил судью разрешить поставить эти часы на стол прокурора так, чтобы присяжные видели часы (стол прокурора был рядом со скамьей присяжных).

В самом начале речи я отметил, что женщина увидела умирающего мужа в 21 час, а врача вызвала в 21.10. Много это или мало? Я поставил часы и начал излагать свои доводы по существу дела, говорил об отсутствии доказательств, об их порочности, развеивал миф о достаточности мотива и так далее, но периодически напоминал присяжным: «Вот я уже сколько наговорил тут всего, а жена все думает, звонить в „скорую“ или нет… Вы меня уже устали слушать, а женщина все колеблется, достаточно ли яд впитался в кровь ее супруга.» Когда я закончил речь, в часах еще оставался песок, и я сказал: «Видите, я уже речь закончил, все вам сказал, а 10 минут не истекли даже. А погибший еще корчится, а жена его чего-то ждет, не звонит.» Стоит ли говорить, что присяжные не могли удержаться от того, чтобы не смотреть на песочные часы, они были полны внимания к речи, им было интересно, когда же

кончится песок, как время важного футбольного матча на табло стадиона. Кто спит на стадионе? Никто! Конечно, в комнате для совещаний присяжные только и говорили о том, как жена могла так долго не вызывать помощь мужу, все остальные аргументы их мало интересовали.

Все это я пишу вам, но очень правильную оговорку сделал П. Сергеич. Я бы очень хотел, чтобы вы помнили об этом. Как бы ни были умны Пороховщиков или я, каким бы опытом мы ни обладали, правда в том, что манипулировать мнением двенадцати человек вы сможете на 100 %, только если вы гипнотизер, а они все подвластны гипнозу.

Глава 3
Украшение речи

Красивой речь сделать трудно, это говорил еще Цицерон в своих трактатах об ораторском искусстве, а он разбирался в предмете как никто другой.

«В самом деле, ведь здесь необходимо усвоить себе самые разнообразные познания, без которых беглость в словах бессмысленна и смешна; необходимо придать красоту самой речи, и не только отбором, но и расположением слов; и все движения души, которыми природа наделила род человеческий, необходимо изучить до тонкости, потому что вся мощь и искусство красноречия в том и должны проявляться, чтобы или успокаивать, или возбуждать души слушателей».

Однако какое значение имеет красота речи, если самая красивая речь может доставить эстетическое удовольствие, но не привести к результату? И я неоднократно слышал, как в комнате присяжных говорили: «Адвокат, сказал очень красиво, но…»

Это как раз к тому, что управлять двенадцатью присяжными – задача очень сложная, и как бы изощренно вы ни излагали свою мысль, ее могут оценить за красоту изложения, но не факт, что с ней согласятся.

Тут, на мой взгляд, важно, чтобы вы сами верили в то, что говорите. Вера придает силу, тот, кто верит, – видит! Но, как понятно, одной веры недостаточно, нужно внушить вашу веру другим, убедить, заставить разделить веру с вами, насильно заставить верить, как крестоносцы несли веру в своего Бога во время крестовых походов, если такое сравнение возможно. Что было главное у них, кроме доблести, готовности сражаться и умения воевать? Вера! Без нее не нужно было бы ни оружия, ни умения им пользоваться. Так и в судебной речи: вы должны сами поверить в свою правоту, в верность вашей позиции. А вот донести вашу веру присяжным нужно с помощью оружия (слова) и умения с ним обращаться. Меч сам по себе не рубит, копье не колет, стрела не летит. Поэтому важно знать оружейные приемы, уметь их использовать и постоянно тренироваться.

Никогда не фехтовал, но слышал, что в этом виде единоборства есть такие приемы, как внезапный удар в кисть, контратака, навязывание дистанции, финты с атакой, комбинация ударов, вложенный удар, проходящий батман и т. п.

В речи есть образы, метафоры и сравнения, антитеза, concessio (уступка), sermocinatio (цитирование), риторические обороты…

Какое значение имеют они?

Квинтилиан: «Красота речи содействует успеху; те, кто охотно слушают, лучше понимают и легче верят. Недаром Цицерон писал Бруту, что нет красноречия, если нет восхищения слушателей, и Аристотель недаром учил их восхищать».

И когда в предыдущей главе я говорил, что речь надо строить так, чтобы не просто быть понятым, а чтоб невозможно было остаться непонятым, я не имел в виду простоту речи, я говорил о слоге. А речь как единое целое не может состоять из простых предложений без речевых приемов. То, что сказал Квинтилиан о Цицероне, в полной мере относится ко всем ораторам. Речь должна пленять. Мне лестно было слышать, когда про меня говорили в операторской телепроекта «Суд присяжных»: «Ты их зазомбировал сегодня», имея в виду воздействие речи на присяжных. Я улыбался и поначалу не понимал, думал, речь идет о том, что я был убедителен для операторской комнаты, для людей, знакомых со сценарием и соглашающихся с моей логикой по поводу конкретного дела. Но потом оказалось, что имелось в виду не это, а то, как присяжные слушали речь, некоторые даже не моргая. И потом эти люди во время совещания говорили моими словами, даже не ссылаясь на меня. И тот, кто сейчас

читает эти строки с определенной долей скепсиса, поверьте: часто случалось, что присяжные телевизионного проекта спорили в совещательной комнате с криками и руганью, пока их не останавливал режиссер, заставляя замолчать, так как сорока минут спора достаточно для того, чтобы выбрать четыре минуты для эфира. Иной раз режиссер сам шел к присяжным и пытался их унять. А еще я неоднократно наблюдал картину, когда присяжные, окончив съемку и выйдя из студии, продолжали горланить на улице или в скверике рядом, споря и доказывая друг другу свою правоту относительно вердикта. Их уже не снимала камера, им бы пойти домой, но они продолжали обсуждать. Вот что такое – пленить! Вовлечь в спор, заставить думать по-вашему и, главное, сражаться за вашу веру. Выполнению этой задачи как раз служат приемы красноречия, которые П. Сергеич назвал цветами красноречия.

Как я и говорил во вступлении, присяжные времен П. Сергеича – это, по его же выражению, «в большинстве случаев малообразованные, а в уездах часто совсем невежественные люди; среди них могут быть очень умные и очень ограниченные».

В наше время как раз в абсолютном большинстве случаев присяжные – люди очень образованные, а в «уездных» городах могут оказаться и такие, что столица позавидует уровню их образования и интеллекта.

Но в любом случае такой прием, как пользование метафорами, очевидно, завоюет внимание и очень образованного человека, и пенсионерки, давно не читавшей книг.

Фенелон говорил в своей книге «Dialogues sur L'eloquence»[2]: «Было бы нетрудно доказать с книгами в руках, что в наше время нет духовного оратора, который в самых обработанных проповедях своих так же часто пользовался риторическими фигурами, как это делал Спаситель в своих поучениях народу».

[2] «Диалоги о красноречии» *(фр.)*.

3.1. Об образах

Образность мышления и речи, на мой взгляд, – самое важное в борьбе за внимание человека, сидящего на скамье присяжного.

Фенелон в своих «Диалогах» советовал: «Следует не только описывать факты, но изображать их подробности так живо и образно, чтобы слушателям казалось, что они почти видят их; вот отчего поэт и художник имеют так много общего; поэзия отличается от красноречия только большей смелостью и увлечением; проза имеет свои картины, хотя более сдержанные; без них обойтись нельзя; простой рассказ не может ни привлечь внимание слушателей, ни растрогать их; и потому поэзия, то есть живое изображение действительности, есть душа красноречия. Нужны образы, нужны картины…»

Р. Гаррис говорит, по сути, то же, что писали Аристотель и Цицерон: «Впечатление, сохраняющееся в представлении слушателей после настоящей ораторской речи, есть ряд образов. Люди не столько слушают большую речь, сколько видят и чувствуют ее. Вследствие этого слова, не вызывающие образов, утомляют их. Ребенок, перелистывающий книгу без картинок, – это совершенно то же, что слушатель перед человеком, способным только к словоизвержению».

Все мы путешествуем. В наше время это совсем не сложно, не то что во времена Цицерона или даже П. Сергеича. Купил билет на самолет и улетел за три моря, прихватив с собой видео-камеру, фотоаппарат или просто свой смартфон для… А для чего?

Никто не задумывался над тем, что через какое-то время после путешествия мы помним его из наших же фотографий, размещенных на странице в социальной сети? Или из тех видеокадров, которые мы показывали гостям, смонтировав домашнее видео? После двухнедельного путешествия в памяти может остаться несколько ярких картинок, именно потому, что мы их сделали и неоднократно к ним возвращались.

Так и с речью, если она без «картинок»-образов, не удивляйтесь, что присяжные забудут, что вы говорили, как только прозвучит команда судьи: «Пожалуйста, проследуйте в совещательную комнату».

Так что лучше, чтобы они пошли совещаться с ярким образом в голове. Вероятно, для большего эффекта и закрепления картинки следует эффектно закончить свое выступление. Об этом ниже поговорим отдельно, но, чтоб было понятно, что такое образ в конце речи, позволю себе привести пример из постановочного суда на НТВ. В одном деле судили женщину, по версии обвинения, убившую 10-летнюю девочку, жившую с матерью-алкоголичкой. Зачем убивать? Подсудимая хотела замуж за мужчину – отца девочки, а тот никак не мог бросить свою вечно пьяную жену как раз из-за дочери, так как ее (дочь) очень любил. Вот и решила подсудимая, по мнению обвинения, девочку убить, чтоб больше в этой семье ничто ее возлюбленного не держало. Приехала на машине в поселок, где те жили в частном доме, воспользовалась тем, что мать девочки валялась пьяная, выманила девочку в машину, стукнула ее по голове, вывезла подальше в лес и там сбросила в овраг, завалив ельником. В машине подсудимой обнаружили генетические следы девочки, а под сиденьем – оброненную клипсу.

Сама же подсудимая утверждала, что действительно приезжала, подарила девочке игрушку, проехала с ней в машине до околицы села и высадила. Девочка пошла домой, а женщина уехала.

Я построил речь на том, что мать подала заявление об исчезновении дочери только через сутки. К тому же ее видели до этого вывозящей мусор в строительной тачке. Сама она говорила, мол, протрезвела, решила порядок навести, дома убирала и во дворе. Потом начала искать дочь, но не нашла. На следующий день подала заявление. Соседи искали девочку с

собаками – не нашли. Нашли на следующий день, причем в той же местности, где искали вчера.

Я сказал так в конце речи:

«Подсудимая – нормальная женщина, успешная, непьющая, с вполне нормальным желанием создать нормальную семью, вдруг убивает ребенка.

А вот мать погибшей девочки, алкоголичка, начала искать свою десятилетнюю пропавшую дочь только спустя сутки после пропажи. До этого момента мы слышали от свидетелей, как она ее искала – „с утра была пьяная", а днем ее в течение этих суток видно не было. На теле девочки обнаружены прижизненные гематомы, как сказал эксперт, разной давности возникновения – то есть, значит, девочку кто-то бил, и этот кто-то точно не моя подзащитная. По показаниям самого отца девочки и соседки, девочку часто била мать. В день убийства, 15 февраля, моя подзащитная поговорила с ребенком и уехала. В этот же день вечером егерь с собакой не нашел труп. И когда егерь сказал: „15 числа я ничего не обнаружил при обходе вместе с собакой, а в пятницу обнаружил", – это означает, что 15 числа, в день смерти, трупа девочки в овраге не было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.